Ты не сбежишь

Автор:
Маша Малиновская

Ты не сбежишь

Маша Малиновская

Со стеклом. В ритме чувств #1

Он – когда-то был трудным ребёнком, и с годами ничего не изменилось. Его жизнь – череда импульсивных решений и громких гитарных рифов. Она – мамина-папина дочка, которая видела только успех рассказанных на табуретке стишков и награды на полочках. Ей стоит бежать от него так далеко и так быстро, как только возможно. Пока его одержимость не сорвала её розовые очки, втоптав девичьи воздушные мечты в грязь. Но, кажется, уже слишком поздно, и шаг к острию лезвия сделан…

Содержит нецензурную брань.

Маша Малиновская

Ты не сбежишь

Пролог

Настенные часы тикают слишком громко. Если зажмурить один глаз, то край стрелки как раз посреди головы отца. Торчит из лысой башки.

Ах да. Отец.

– Ты меня вообще слушаешь, Влад? – он привстаёт со своего кожаного кресла, нависая над массивным столом. – Ты под кайфом, что ли?

– К сожалению, нет.

Закидываю руки за голову, потягивая мышцы, и откидываюсь на спинку кресла.

– Да твою ж мать! – мне в рожу прилетает стопка каких-то бумаг. Папочка разозлился. – Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

– Мою мать ты не знаешь, – отвечаю как можно спокойнее, оставаясь в расслабленной позе.

– Влад, – отец говорит приглушённее и устало усаживается обратно в кресло. – Ты вообще человек? Ты понимаешь, что так нельзя, что нормальные люди себя так не ведут. Почему ты такой?

Хороший вопрос от того, кто меня таким сделал.

– Что же ты творишь, сын? – «сын». Ну да. – Она же совсем девочка была ещё. Мне как теперь людям в глаза смотреть-то?

– А тебя только это волнует? Что о тебе скажут, да? И, кстати, ей уже было восемнадцать. – скручиваю самолётик из одного из листков, что отец швырнул в меня, и запускаю ему прямо на стол. Точное попадание. – Я спрашивал.

– До или после, позволь поинтересоваться? – ехидничает, а самого аж трясёт. Ну вот и хорошо, говорят, иногда стресс в пользу. Тренировка сосудов и всё такое.

– Во время.

Надоело. Этот трындёж можно слушать бесконечно, а у меня репетиция через час. Поздно уже мне морали читать. И воспитывать поздно. Надо было самому этот процесс контролировать, а не спихивать на тех, чьей целью было сделать из маленького ребёнка робота. Ещё и платить за это с такой щедростью.

А теперь всё. Аривидерчи, папаша. Крыша съехала и накрыла собой слишком многих. В том числе и Принцессу. На ней, кстати, окончательно и съехала. Блядь.

Глава 1

Меня переполняют эмоции! Классно-классно-классно! Я так давно хотела попасть в клуб, и… всё ещё клёвее, чем мне представлялось. Здесь всё так ярко, весело, драйвово. Разноцветные круги причудливо бегут по стенам, полу, по столикам, расположенным по периметру, и по лицам людей. Громкая музыка закладывает уши и отдаётся где-то то ли в груди, то ли в животе. Настроение бьёт по отметке «максимум».

– Фух, – тянет Машка и умащивается рядом на барный стул. – Думала опоздаем.

Рассматриваю светящуюся на запястье печать. Прикольно как, оказывается: тут, при ультрафиолете, её видно, а на свету обычном, в фойе, нет. Она такая яркая, что мне хочется по-детски её лизнуть, вдруг сладкая на вкус. Но я, разумеется, этого не делаю. Уже взрослая так-то девочка. Позавчера восемнадцать исполнилось, и родителям пришлось отпустить меня с Машей в клуб – обещанный подарок. Папа очень переживал и дал кучу наставлений, а вот мама радовалась. Помогла завить мне волосы на концах по-модному и похвалила аккуратные стрелочки, которые у меня получилось вывести на веках. Пару раз щёткой с тушью по ресницам и причесать брови, и я красотка, готовая к своему первому походу в ночной клуб. Потом ещё, уже у Машки дома, мазнула по губам вишнёвым блеском. Прям кайф как ярко получилось и непривычно. Но тут, в клубе, я поняла, что мой макияж вполне себе скромный, когда увидела девушек с тоннами хайлайтера и теней. Такое ощущение, что это сценический грим, а не вечерний макияж.

Но да и ладно, это их дело. А моя задача сделать первый свой поход в ночной клуб незабываемым.

– Тебя родители не прибьют за запах алкоголя? – округляет глаза Машка, когда бармен вручает мне стакан джин-тоника.

– Зажую жвачкой.

На самом деле мне дико страшно. И интересно. Мне же уже восемнадцать, хочется попробовать и алкоголь. Ну хотя бы немного. Его же в джин-тонике совсем чуток. Я читала в интернете.

Внезапно во всём зале гаснет свет и вырубается музыка. Откровенно говоря, я пугаюсь. Мало ли что. Вдруг сейчас сюда как в кино ворвутся полицейские с криками «Наркоконтроль!» или бандиты захватят, или… Но тут вокруг сцены, сделанной как нос корабля, начинает клубиться разноцветный дым, свет мерцает резкими вспышками, даже голова немного начинает кружиться. Лучи света опускаются сверху на сцену, освещая группу танцоров. Зрелищно, ничего не скажешь.

Машка пищит вместе с остальным народом. Она так хотела попасть сюда именно сегодня, потому что этим вечером тут обещали шоу её любимых исполнителей – всем известной в нашем городе танцевальной студии «New dance» и музыкальной группы, от которой Маша уже второй год с ума сходит. Она мне один раз включала на телефоне, но я как-то не впечатлилась, если честно. Шумно, громко. Машка тогда ещё надулась, что я даже до куплета не дослушала, всё пыталась уговорить послушать в наушниках, потому что вроде как по-другому не оценить их творчество, и мне не зашло потому, что на динамике телефона такое не звучит.

Однако к музыке у меня своё отношение. Моя преподавательница по классу скрипки говорит, что нельзя засорять слух всякой чушью, потому что классическому музыканту, а в особенности скрипачу, очень важно чувствовать мелодию на тончайших вибрациях. Ну, признаться, в последнее время меня эти вибрации уже слегка задолбали. Я не отношусь к ярым почитателям классики, да и вообще сильно увлечённой инструментом себя не считаю. Когда-то дедушке очень нравилось, что я играю, вот я и играла. А сейчас под настроение. А вот попсу современную послушать могу, такую, где перепонки барабанные не выносит.

Потом за танцорами становятся видны музыканты, от которых отделяется их солист и выходит в самый нос сцены-корабля.

– Смотри-смотри, Лерка! Это Миииикс! Влаааад! – Машка вопит с сотней остальных посетителей. А может и больше, чем сотней. – Пошли!

Она сдёргивает меня за руку и тащит к сцене, но туда сейчас реально не пробиться.

– Блииин! – страдает Машка. – Я так хотела увидеть его ближе.

Ей приходится громко кричать мне на ухо, потому что после тихого вступления на присутствующих обрушивается громкая, просто выносящая перепонки музыка. И я с удивлением для себя самой замечаю, что она не вызывает во мне отторжения. Наверное, несколько глотков джин-тоника уже подействовали, потому что вся эта атмосфера эйфории начинает пропитывать и меня. Музыка набирает ритм, но становится чуть проще, когда солист подносит микрофон ко рту и начинает петь. Даже не петь, в какой-то степени вести своеобразный диалог с публикой. Но уже с первых звуков я понимаю, о чём мне столько твердила Маша. Голос у этого парня и правда невероятный. Не хриплый, не низкий, но и не высокий. Какой-то странно вибрирующий и отдающий этими вибрациями за грудиной. Мне даже захотелось прикоснуться к грудной клетке, почувствовать, что там ничего не изменилось. Неужели это на меня так алкоголь подействовал? А родители пугали, говорили, это неприятно…

Парень замолкает, когда начинается проигрыш, и поднимает руки вверх, немного отходит, пока по сцене расходятся танцоры и начинают вытворять нечто немыслимое. Поразительно. В музыкальной школе я видела репетиции хореографов, и это было нечто совсем иное. Мне кажется, я даже не дышу, когда сцену и зал заливает то красным, то зелёным светом. Шоу и правда невероятное.

Танцоры вдруг бросаются вроссыпь, и на середину снова выходит солист. Он стоит по самому центру, широко расставив ноги и тихо читает речитативом, а потом песня взрывается его протяжным глубоким голосом. Кажется, что поёт не для публики, хотя она дышит им сейчас. Смотрит куда-то вверх, крепко сжимая микрофон.

Толпа подаётся ещё ближе к сцене, увлекая и нас с Машкой, и в ярком луче света у меня получается рассмотреть его. Он очень высокий, крепкий, одет в чёрное, а на футболке красуется огроменный контурный белый фак. Лицо разрисовано чёрными полосами. Я замечаю необычную деталь его костюма –

широкие кожаные браслеты, от каждого из которых свисает по несколько крупных звеньев цепи. Будто он только-только сорвал кандалы.

Внезапно моё одурманенное джин-тоником и голосом солиста сознание возвращается в тело, потому что ногу пронзает острая боль. Ах ты ж! Больно как!

– Извини! – кричит на ухо какая-то девушка, которая почти вонзила мне в ступню свою шпильку.

И это извини чисто формальное. Она даже не глянула на меня!

Приподнимаю пострадавшую ногу, пытаясь ослабить давление в ней, и хватаюсь за Машку.

– Эй, ты чего? – она поворачивается как раз, когда номер на сцене заканчивается, а свет гаснет, продолжая лишь всполохами световых пушек поливать толпу.

Снова звучит клубная музыка, народ расползается кто к своим столикам, кто остаётся на танцполе. Ребята на сцене сейчас дали бешеный заряд. Они скрылись в темноте за сценой, а настроение осталось витать в зале.

Мы с Машей тоже выползаем в фойе, чтобы посмотреть, не проткнула ли эта Мисс Копыто мне кожу. Обработать же надо, если что.

Но присмотревшись через чёрный капрон колгот, я ничего не обнаруживаю, лишь прикладываю охлаждённые в ледяной воде в туалете ключи.

Даже сюда, к кабинкам туалета, слышно, что в зале снова начинает что-то происходить. Наверное, шоу продолжается.

– Лер, давай скорее, – хнычет Маша. – Там «Wet rain» уже опять на сцене.

– «Wet rain»? – хихикаю, подсовывая руки под автоматическую сушилку. – Мокрый дождь? Кто вообще придумывает такие названия?

– Ничего ты не понимаешь! – Маша нетерпеливо заталкивает блеск для губ в сумочку и поправляет волосы. – Это как протест очевидности. Их философия.

– Протест очевидности… Ага. Абсурдная глупость, я поняла.

– Пойдём уже!

Мы снова возвращаемся в зал, когда песня уже заканчивается. Машка разочарованно стонет и усаживается на свободный барный стул у стойки.

– Маш, – взбираюсь на соседний, немного оттягивая платье вниз, – ну не ограничатся же они двумя песнями. Скоро ещё выступит твой «Водяной дождь».

– Не водяной, а мокрый!

Потом на сцене показывают несколько номеров танцоры. И сказать можно только одно – вау! Особенно по поводу того симпатичного парня, что солирует и всегда впереди.

– Я слышала, его зовут Максим. Хорошенький, правда? – Маша хитро улыбается и жеманно прикусывает губу.

С Машуней мы дружим с самого детства. Она добрая, весёлая, открытая и очень любит помечтать. Сколько помню, она была безумно влюблена в Джастина Бибера, страдала по Джареду Лето, а потом даже вздыхала по Прилучному. Правда, по последнему недолго. И теперь вот уже в третий раз за последние десять минут спросила, как же мне Влад Миксаев.

А как он мне? Он звезда. Обожаемый певец. Очевидно, что очень талантлив. А ещё он странно влияет на людей. Точнее, его голос.

«Wet rain» исполняют ещё несколько композиций, заставляя каждую проживать нутром. Не могу на слух определить, сколькооктавный голос у этого Микса, но диапазон явно широк. Потому что он то режет на речитативе, то выходит на полнозвучный крик, то вдруг становится вязким и тягучим на предприпевах. Надо будет обязательно послушать их песни.

Диджей объявляет последнюю композицию от «Wet rain», и Машка хватает меня за руку и волоком тащит, чтобы успеть ближе к сцене. И так получается, что мы оказываемся у самого её края.

Солист выходит в центр и начинает низко тихо напевать, постепенно повышая голос и вытягивая слова. Я зачем-то отмечаю лёгкую назальность в его голосе, и это красиво. А потом происходит просто невероятный взрыв. Он отрывисто выкрикивает, и музыка обрушивается на присутствующих невероятной мощью. Парень на сцене поднимает руки, словно управляет толпой. А ведь так и есть. Его мощная энергетика порабощает, заставляя двигаться в такт его голоса. Яркие вспышки страбоскопа превращают толпу и его самого в череду ярких картинок, дезориентируют и… возбуждают. Это транс. Точно. Гипноз в чистом виде.

Я почему-то фиксирую своё внимание на том, как он держит микрофон, как его пальцы обхватывают ручку, сжимают крепко. Как он проворачивает его и берёт в другую руку. Не знаю почему, но у меня от этого проходит дрожь по спине.

И тут я осознаю одну вещь. Не только я пялюсь на этого Влада. Он тоже смотрит на меня. Прицельно. Прямо со сцены. Колени становятся какими-то ватными от столь пронизывающего взгляда.

Конечно, это сценический образ, и сейчас он окатит этим морозом другую девушку из толпы фанаток. Но… он так и продолжает смотреть. Сверлить во мне дыру, не стесняясь. Народ вокруг уже начинает посматривать на меня странно.

А я словно действительно под гипнозом, не могу отвести взгляд, я даже уже не танцую. Просто застываю, ощущая странные вибрации за грудиной от его голоса и этого взгляда. Сморгнуть бы, стряхнуть, да не выходит. И во рту пересохло.

Солист выкладывается на полную, видно, как его плечи блестят от влаги. Интересно, эти татуировки называются кельтскими? Или скандинавскими? И почему я вообще думаю об этом? Он подходит к самому краю сцены, и мне хочется сделать несколько шагов назад. Но толпа настолько плотная, что даже пошевелиться не получается. Затаиваю дыхание, когда он присаживается на корточки. Вокруг визг и крики. Кажется, я даже слышу что-то типа «Возьми меня, Влад!»

Его лицо буквально в метре от меня, и даже в мерцающем свете клуба я замечаю, что его глаза чёрные как ночь. Мрак. Тьма, обращённая прямо на меня. И тут происходит нечто неожиданное. Парень протягивает руки вперёд. Я и вздрогнуть не успеваю, как он подхватывает Машу под мышки и рывком вытаскивает на сцену.

Она пищит и смеётся, а я столбенею. Певец швыряет в толпу микрофон, забрасывает Машку на плечо и… просто уходит. Свет на сцене гаснет, диджей что-то восторженно говорит и объявляет продолжение дискотеки, а я растерянно оглядываюсь по сторонам, пытаясь понять, в какой же стороне теперь искать Машу.

Глава 2

Толпа вокруг смыкается. Основная масса людей остаётся танцевать, кто-то же расходится к столикам или к бару. А я чувствую себя абсолютно растерянной.

Что только что произошло? Певец просто выдернул с танцпола мою подругу и утащил куда-то во тьму. Это вообще как? И что теперь делать?

Чувствую холодок в груди от страха за Машку. А вдруг они её там обидят? Что вообще за шутки такие идиотские? И что теперь мне одной делать? Не брошу же я её. Да и что родителям скажу? Маша должна была ночевать у меня, и мне сказать родителям, что солист музыкальной группы утащил Машку за сцену и больше я её не видела? А её маме я как это сообщу?

Глупости. Скорее всего, этот Микс сделал это для зрелищности, чтобы впечатлить толпу. И Машу они уже отпустили. Надо ей позвонить!

Но звонить некуда. Точнее не на что. Она не хотела тащить свою сумочку, поэтому закинула телефон и ключи в мою.

Встряхиваю головой, прогоняя ступор, в который меня погрузил этот тип со сцены. Надо найти Машу.

Ты взрослая, Лера, тебе уже восемнадцать. Даже в клуб пришла. Так что включай мозг и думай.

Проталкиваясь через толпу танцующих, иду вдоль ребра сцены. Парень ушёл куда-то вглубь. За сценой или на ней самой должны быть двери, ведущие в подсобные помещения. Гримёрки там всякие, раздевалки. Или где ещё готовятся к выступлениям артисты.

Так и есть. За сценой замечаю светящуюся у пола полосу. Направляюсь туда.

– Девушка, вы куда? – передо мной вырастает огромный охранник, которому я как раз носом утыкаюсь в широченную грудь. – Это помещения для персонала, сюда нельзя.

– Извините, я ищу подругу. Её утащил певец со сцены.

– Наверное, вам уже не стоит ждать её сегодня, – он криво усмехается, а мне становится ещё страшнее за Машку.

Пока я лихорадочно соображаю, что делать, парня вызывают по рации, и он немного отходит, потому что мы стоим почти под колонками, и ему не слышно, что там говорят. А я, недолго думая, ныряю за тяжёлую тёмную штору и оказываюсь в длинном, слабо освещённом приглушёнными лампами дневного света, коридоре. Интенсивность грохота басов тут значительно ниже.

Свет хоть и приглушённый, но всё равно приходится сначала зажмуриться. После темноты и разноцветных вспышек зала клуба зрению тут непривычно. И вообще, после гламурной феерии сюда как в зазеркалье попала.

Коридор прямой, виднеется несколько дверей по бокам. Я аккуратно толкаю первую – заперто. Прислушиваюсь. Тишина. За следующей дверью обнаруживаю кладовку с инвентарём, дальше небольшой склад с мебелью. Дохожу до угла и сворачиваю.

И тут наталкиваюсь на него.

Парень стоит, опёршись спиной на стену. Руки в карманах джинсов, затылок откинут, глаза закрыты.

Я резко торможу и застываю. Гул собственных быстрых шагов замирает в пустынном коридоре. Влад медленно открывает глаза и поворачивается ко мне, не отрывая голову от стены. Смотрит несколько секунд, медленно скользя до самых туфель и обратно. Потом расслабленно, лениво, словно хищник, отталкивается от стены и встаёт на ноги ровно.

– Кого-то ищешь? – спрашивает негромко, чуть прищурив глаза. Чёрные полосы грима, что были на его лице, уже стёрты, но тяжёлый, придавливающий к полу взгляд именно такой, как я тогда ощутила со сцены.

– Подругу, – говорю несвойственным мне голосом. Хриплым каким-то. – Где она?

– Я должен это знать? – насмешливо поднимает бровь.

Он действительно высокий. Там на сцене мне не показалось. Парень складывает руки на груди, и я отмечаю, как вздыбливаются у него на плечах мышцы, покрытые татуировками.

– Ты утащил её, – тоже складываю руки, зеркаля его жест. – А нам уже пора домой.

– Сказка на ночь и в кроватку? – мне его издевательский смешок совершенно не нравится.

– Типа того, – отвечаю резко.

Миксаев делает шаг по направлению ко мне, обволакивая своим чёрным взглядом. Не знаю, не могу точно передать, откуда появляется это ощущение. Я каменею, будто кто-то впрыснул мне нейротоксин. Мышцы сковывает, а в голове интуитивным импульсом загорается красная лампа: «Беги!»

Моя суеверная бабушка бы сказала, что у него чёрная аура. Тяжёлая, давящая. Свинцовая.

С большим трудом смаргиваю сгущающийся морок и делаю шаг вперёд, пытаясь его обойти в узком пространстве коридора. Но он делает свой в ту же сторону, перекрывая проход.

– Где Маша? – начинаю злиться. Парень стоит слишком близко, и меня это нервирует.

– Маша, – криво ухмыляется. – Была твоя – стала наша.

Да пошёл ты. Избалованный говнюк, привыкший ко всеобщему обожанию.

– Отвали, – пытаюсь протиснуться. – Придурок.

Выражение лица его резко меняется с насмешливо-расслабленного на злое.

– Слышишь, Принцесса! – он хватает меня за локоть и больно сдавливает, отчего я испуганно охаю. – Не сильно ты борзая?

– Руки убери! – пытаюсь говорить твёрдо, очень надеясь, что мой голос не слышится мышиным писком.

Но если честно, мне страшно. Очень. Этот парень пугает и вгоняет в ступор.

Ещё страшнее становится, когда Миксаев толкает меня к противоположной стене и подходит совсем вплотную.

– Я не понял, – говорит тихо, но от этой зловещей приглушённости тело пробирает до мурашек. – Ты чего хамишь, девочка? Нормально же общались.

– По-твоему, утащить девушку – это нормально?

– Так ей понравилось. А ты обиделась, что ли? Что не тебя.

– Больно надо было, – со стыдом и ужасом понимаю, что у меня начинает дрожать подбородок. Не хватало ещё расплакаться тут перед этим козлом. – Я просто хочу найти Машу.

Внезапно на его лицо снова возвращается скучающе-саркастичное выражение, и парень делает шаг назад.

– Ну пойдём, Принцесса, найдём твою Машу.

Он разворачивается и уходит по коридору. А я, сделав глубокий вдох, чтобы выровнять сбитое его близостью дыхание, иду за ним. Мы проходим длинный коридор, и я уже начинаю сомневаться, стоило ли идти за ним. Но где тогда мне найти Машку?

Возле одной из дверей слышу смех. Мужской и женский. Узнаю Машин. Ну слава Богу, с ней всё хорошо!

– Вот она, твоя подруга, цела и невредима. Забирай.

Миксаев открывает дверь и проходит вперёд, даже не придержав. Ну и манеры.

– Лерок! – взвизгивает счастливая как песня Машка и спрыгивает со стола, на котором сидела. – А я тут с парнями познакомилась!

Я вздрагиваю от хлопка двери за спиной. Не спешу разделять Машкину радость. Какой там, мне хоть бы дрожать не начать. Не так я представляла себе первый поход в клуб. Совсем не хотела знакомиться с парнями из популярной музыкальной группы. И уж точно не собиралась оставаться с ними в закрытой комнате клуба, где мой крик никто не услышит.

Их пятеро. Нас двое.

Дерьмово.

Глава 3

– Знакомьтесь, это Лера – моя подруга, – щебечет Машка. – Ей пару дней назад стукнуло восемнадцать, и мы решили отметить походом в клуб.

Мне хочется стукнуть её по лбу, чтобы меньше языком ляпала. И так ситуация напрягающая, а теперь они ещё и знают, что мы не малолетки.

– Ну поздравляем, Лера, – невысокий рыжеватый парень растягивается в улыбке. – Теперь ты уже совсем взрослая.

Он бросает мимолётный взгляд мне за спину, туда, где я знаю, что стоит их солист.

– Спасибо, – отвечаю сдержанно, вежливо улыбнувшись, а потом внимательно смотрю на подругу. – Маш, пойдём, нам уже пора.

– Так быстро уходите? – отзывается стоящий рядом со столом, откуда спрыгнула Маша, светловолосый парень. – Может, не будете торопиться?

У меня начинает ощутимо сосать под ложечкой. Хочется закрыть глаза, а открыть уже возле такси. Нервы натянуты до предела, напряжение сковывает так, что аж спина болеть начинает.

– Ле-е-ер, – Машка складывает ладони в умоляющем жесте. – Ещё ведь не сильно поздно. Давай побудем немного.

Неужели она и правда не понимает? Не осознаёт, что может понадобиться от нас компании парней ночью в клубе? Они на драйве, и хорошо, если не принимают наркотики. Алкоголь уж точно, если судить по банкам из-под пива в мусорном ведре у стола. Вертит хвостом, дразнит их. Тем более, что они явно нас старше. И их целых пятеро.

– Нет, мама звонила – просила приехать пораньше, – говорю сквозь зубы, вглядываясь бестолочи в глаза. Ну давай же, включай оплавленные мозги. – Я уже вызвала такси.

Машка скисает, но слушается. Машет рукой парням. На деревянных ногах я разворачиваюсь и иду к выходу из комнаты. Сердце начинает стучать ещё быстрее, когда по мере моего приближения к двери Миксаев продолжает стоять на месте, загораживая проход.

Торможу в метре от него, и Машка едва не впечатывается мне в спину.

– Пропусти, – стараюсь говорить вежливо и спокойно, припомнив его реакцию на мою резкость. А потом ещё добавляю: – Пожалуйста.

Миксаев слегка прищуривается и смотрит несколько бесконечных секунд. В гримёрной наступает звенящая тишина. Все смотрят на него. Я понимаю, что он их лидер не только на сцене. Безоговорочный вожак. Как он скажет, так и будет. И если сейчас не отпустит, то мы пропали.

Неимоверным усилием сдерживаюсь, чтобы не опустить перед его громадной фигурой глаза. Нельзя невербально признавать себя жертвой. Это нам ещё в первые недели на курсе общей психологии в институте рассказывали. Стараюсь смотреть ему в глаза спокойно, без вызова.

– Проходите, – он отходит чуть в сторону и улыбается, только улыбка эта сценическая, она не затрагивает взгляд, которым парень продолжает морозить.

Я берусь за ручку двери, всё ещё сомневаясь, что нам дают так просто уйти. Не уверена, что дверь поддастся. Но она поддаётся, оказываясь незапертой. Я почти готова выдохнуть, когда слышу за спиной Машкин голос.

– Влад, – лопочет она с придыханием, – А можно попросить автограф?

Дура!

– Только у меня нет листочка, – сникает она.

– Не проблема, – Миксаев пожимает плечами.

Он смотрит на Машу, и я вижу, как она тает от одного только вида ямочек на его щеках, когда он улыбается.

– Держи, Микс, – один из парней группы бросает тонкий маркер.

Солист его ловит, стаскивает колпачок зубами и делает шаг к Машке. Я вздрагиваю, когда он протягивает руку и дёргает замок-змейку на груди её

топа. Пальцы холодеют, сжимаясь на дверной ручке.

Машка резко выдыхает и затихает. Миксаев медленно скользит указательным пальцем от её шеи и по выпуклой груди, немного цепляет чашечку кружевного темно-синего лифчика и при этом вскидывает взгляд на меня. Секунды, но я словно обжигаюсь о горящие угли. А потом он быстрым движением расписывается на Машкиной груди и сам застёгивает топ.

– Сфоткай, пока не смылось, – подмигивает ей. – Или приходи – обновим.

Маша кивает, но как-то уже куда более тихо и скованно.

– Ну а ты, Принцесса, – кивает в мою сторону, прикусывая обратный кончик маркера и вгоняя меня в ещё большее напряжение. Ноги вот-вот подкосятся, и я рухну на пол. – Не попросишь автограф?

– Нет, спасибо.

Чувствую, как кожа на груди покрывается под платьем мурашками, стоит только представить, что он вот так притронется, как к Маше. Да ещё и на глазах у целой группы.

Пора валить. И быстро.

Беру Машу за руку и тащу за собой, не оглядываясь. Глохну от звука собственных каблуков по пустому коридору. Едва сдерживаюсь, чтобы не припустить бегом.

– Больно! – подруга выдёргивает ладонь, которую я в напряжении сдавила, но продолжает быстро идти следом.

Сквозь шум крови в ушах мне кажется, что я различаю мужской смех. Ну и пусть ржут сколько хотят, главное нам ноги унести.

Не сбавляя темпа, проходим через основной зал, ненадолго снова погружаясь в темноту и разноцветные отблески колорченжеров. Это место больше не вызывает такой эйфории. Хочется скорее уехать и оказаться в безопасном

знакомом месте.

– Ты совсем дура? – не могу всё же сдержаться и набрасываюсь на Машку, когда ждём такси у стоянки. – Их было пятеро, Маша! Пятеро!

– Прекрати кричать на меня, – ощетинивается она. – Я умею считать до пяти.

– Правда? А ты посчитала, сколько раз каждый из них мог тебя…

Произнести вслух я это не могу. Слишком уж близко и реально всё это было всего несколько минут назад. Я смотрела передачи, мама неоднократно говорила, как нужно себя вести, чтобы не попадать в опасные для девушки ситуации. И вот в первый же мой поход на дискотеку я едва не вляпалась.

С облегчением выдыхаю, когда возле нас тормозит такси, и я захлопываю за собой дверь, отгораживаясь от этого места. Автомобиль трогается с места, а мне всё кажется, что стекло у виска прожигает демонический тёмный взгляд.

* * *

Влад

Погода сегодня в кайф. Даже в футболке не холодно, хоть уже и вечер, а на улице как-никак середина октября. Стою в тени козырька у чёрного входа и наблюдаю, как девчонка нервно оглядывается, передёргивает плечами и ныряет в машину. Такси отъезжает медленно.

– Ты точно всё решил? – на улицу выползает Кот и тоже закуривает. – Охоте быть?

– Ты её видел? Сам как думаешь?

Кот затыкается и вдыхает дым глубоко в лёгкие, тягой вынуждая огонёк быстро жрать бумагу. Молчит. Думает. Мыслитель херов.

– Микс, может забьёшь? Девчонка совсем мелкая. Жалко как-то.

– Кот, я не понял, – поворачиваюсь и смотрю на Игоря. Клавишник он классный, но иногда до хера правильный. – Ты теперь моя совесть?

– Я? – ржёт. – Да Боже упаси. «Твоя совесть» – вообще выражение очень метафоричное. Просто… хрен знает. Правильная она какая-то. Будто жизни не нюхала.

– Так понюхает.

– А если как с той будет?

– А я тут при чём? У девки шиза врождённая имелась. Мы просто выпустили зверька погулять, – передёргиваю плечами, вспоминая прошлогоднее приключение с прибацанной тёлкой, разворотившей нам на почве ревности студию. – Ты узнал?

– Конечно. Подружка у твоей Принцессы – находка для разведчика. Ещё бы пару минут, и она бы номера счетов предков своих слила вместе с паролями. Держи.

Кот засовывает длинные пальцы в задний карман джинсов и выуживает бумажку.

– Фамилия, имя, универ, курс, группа, название любимого кафе. Для старта хватит.

Хватит. И меньшего бы хватило, но я предпочитаю иметь информации больше.

– Идём, Влад, парни ждут. Мы сегодня с танцорами бухаем?

– Угу. Макс обещал девок привести.

Кот уходит внутрь первым, а я ещё пару минут стою, наслаждаясь свежим воздухом. Внутри жжёт эйфория предвкушения. Интересный экземпляр эта глазастая принцесса. Вкусная, наверное. Хочу попробовать.

Глава 4

Я забираюсь под одеяло и падаю на подушку, громко выдохнув. Вот это вечер.

Машка лежит рядом под вторым одеялом и тоже пялится в потолок. Молчит.

С Машей Карташовой мы дружим сколько себя помню. Одна группа в детском саду, одна парта в классе, одна специальность в универе. Мы часто остаёмся друг у друга с ночёвкой. Традиционно спим в одной постели, благо что у меня, что у неё кровати широченные. Заворачиваемся в одеяла и болтаем до середины ночи.

Но сегодня как-то разговор не идёт. Молчание затягивается, перемежаясь приглушённым дыханием.

– Лер, – всё же Маша негромко первой нарушает тишину. – Прости меня, пожалуйста. Кажется, я сегодня накосячила.

Переворачиваюсь на бок, подложив ладошки под щёку и смотрю на Машу. У неё нижняя губа немного оттопырилась, как часто бывает, если Карташова пытается не заплакать.

– Да проехали, Машунь, не ты же этому Миксу сама на плечо запрыгнула.

– Но я вела себя как дурочка. А что если бы… они правда… ну ты поняла.

– Ну, слава Богу, ничего не случилось. Хотя испугалась я прилично, если признаться. Вздумалось же тебе этот автограф попросить. Он когда кофту на тебе расстегнул, я похолодела вся, вот честно.

Маша тоже поворачивается на бок, перебрасывает светлую косу, в которую после нашего полуночного чаепития заплела модные кудри, и смотрит внимательно на меня в приглушённом свете ночника.

– Я тоже сильно струхнула на этом моменте, – а потом заглядывает под пижамную майку и растягивается в улыбке. Карташова неисправима. – Но

автограф я давно хотела от него. И всё же, Лер, значит, они не такие. Хорошие. Вот не могли ребята из «Wet rain» оказаться придурками.

– Маш, придурками могли оказаться кто угодно. Кто знает. Ну вот их солист точно придурок.

– Да ладно, он классный. Слушай, – Машка переворачивается на живот и подгребает под себя подушку. – Мне кажется, он запал на тебя. Так пялился…

Внутри вспыхивает какое-то странное ощущение, и его окраску я распознать не могу. Оно и пугающее, но и немного приятное. Но больше, конечно, пугающее.

– Да не дай Бог. Меня от его взгляда дрожь пробирала. Поёт он, конечно, классно. Но когда смотрит, хочется убежать и спрятаться.

Мы обе замолкаем, каждая обдумывая сегодняшнее приключение и чем оно могло для нас обеих обернуться. А может, Маша и права, парни из группы вполне нормальные ребята, и ничего такого даже и не думали. Кто знает. Вот только этот Миксаев и правда пугающий какой-то.

Через пять минут я уже слышу, как Машка сопит, приоткрыв рот. А сама никак не могу расслабиться – сердце бьётся быстрее обычного, а мысли и картинки сегодняшнего вечера мельтешат в голове. Сама не знаю зачем, но я вытаскиваю из-под подушки наушники и телефон, захожу на страничку Карташовой в ВК в раздел музыки. У неё тут целый плей-лист «Wet rain».

Втыкаю наушники и замираю над кнопочкой «плей». Треугольник в синем кружке плеера почему-то представляется мне какой-то дверью, и если я её открою, ступив в тёмную комнату их творчества, то смогу ли выбраться обратно на свет?

Ну что за глупости, Лера? Это просто музыка, не более того.

Жму на треугольник и почему-то вся сжимаюсь. Песня начинается плавно, звучат клавишные, потом начинается спокойный мягкий бит. Когда солист начинает петь, я закрываю глаза, пытаясь вникнуть в смысл слов. Он поёт на английском, и мне приходится немного напрячься. Я неплохо знаю язык, была с

папой дважды в Британии, но вот так на слух в песне боюсь что-то упустить.

Голос мягкий, тягучий, с той лёгкой назальностью, которую я заметила сегодня на концерте. Он волнует, заставляя сердце биться быстрее. И слова… То, о чём он поёт, цепляет.

Я поклялся однажды им отомстить, никогда никому из них не простить. Но однажды утихла и

смолкла боль, словно было всё не со мной.

Эта жизнь привела меня к пустоте. Я хотел, но

теперь перестал хотеть. И гнев страшный унялся, стих до тоски,

перестал зажимать в тиски.

Воскресить и воскреснуть мне не дано, краски

выцвели жизни во мне давно и росткам не взойти

ее по весне:

всё погибло в то утро с ней.

Дотянуть эту жизнь, но какая цель? И что ждёт,

если выдержать всё, в конце: радость встречи? Ещё один шанс на жизнь?

Горчит привкус своей же лжи.

Дальше звучит тихая мелодичная музыка, мягкие переливы гитарного перебора. Голос замолкает, оставляя тяжёлое послевкусие. В носу щиплет сама не знаю почему.

Нажимаю на строку с песней, и мне выбрасывает слова на английском.

Автор: Влад Миксаев.

Музыка: Влад Миксаев, Игорь Котовский.

Значит, музыку и слова они тоже пишут сами.

Потом прослушиваю ещё несколько композиций, более грубых и мощных, действительно поражаясь тому, как солист играет голосом. Он у него то низкий, почти хриплый, то бархатный, то вдруг на припеве рвёт высоко и чисто. Но в любом звучании слышны совершенно особенные призвуки, характерные именно ему.

Я слушаю песни одну за другой, а перед глазами стоит образ парня. Его взгляд, который он бросил на меня, когда касался пальцем Машиной груди. Смотрел так, будто это не Карташова перед ним была в распахнутом топе, а я.

Тяжело вздыхаю, пообещав себе, что прослушаю последнюю и спать. Время уже позднее, Машка обняла подушку и видит десятый сон. Листаю плей-лист и набредаю на странное, как по мне, для такой группы название песни – «Русалочка». Хм.

Сначала слышны перекаты морских волн, тихий шорох песка под ласковой рукой прибоя, а потом бьёт резкий гитарный риф. Манера исполнения этой песни совершенно другая. Голос звучит резко и обвиняюще:

Обещали любовь, а досталась с тоскливым воем

загрудинная боль: не утешишь и не скроешь.

Пинать гальку морскую, истаптывая ботинки,

повдоль берега путь класть по грязной воде и тине,

и искать, и искать, и, увы, не найти в итоге:

обменяла на хвост снова белые свои ноги,

уплыла, убежала, с реальностью не смирившись,

что ни капельки общего у сказок нет добрых с жизнью.

Где ты, дура морская – солёные-на-вкус-губы?

Тоска страшная, чёрная меня по тебе

Погубит…

Резко выключаю плеер, понимая, что по вискам ползут солёные капли, а тело бьёт дрожь. Мой любимый диснеевский мультфильм про прекрасную Ариэль и её идеального принца вдруг разбивается на мелкие кусочки о вариант Миксаева и стекает крупными каплями крови. Воображение рисует эту картину так живо, что дышать становится трудно.

Спокойно, Лера, это просто впечатления, а ты впечатлительная. Да, вот так. Слишком много выходящих вон событий. Стресс. Именно.

Так что лучше выбросить из головы пугающий и притягательный образ Влада Миксаева, пока он и его песни не разбили ещё какое-нибудь нежно хранимое воспоминание детства.

* * *

Утро воскресенья хмурое и тяжёлое. Машка спит почти до обеда, я тоже недалеко ушла. Просыпаюсь около десяти, но вставать абсолютно не хочется. Воспоминания вчерашнего вечера проходятся искорёженным смычком по нервам. Забыть и не вспоминать – вот и выход.

Когда Машка всё же продирает глаза, то улыбается и потягивается до хруста в позвоночнике.

– Привет, – она натягивает одеяло до самого носа. – Чего такая напряжённая? Плохо спала?

– Нормально, – почему-то не хочется делиться сейчас с Карташовой ноющей неясной тревогой в груди. Впервые не хочется.

Домработница приносит нам по чашке какао и куску пирога, говорит, что смысла завтракать моя мама уже не видит, поэтому перекус, и уже через полтора часа обед. Несмотря на паршивое состояние, я ем с аппетитом. Потом мы с Машей заканчиваем вступление к общему проекту, она вызывает такси и уезжает. Я же продолжаю заниматься, время от времени поглядывая на открытый на компьютере плей-лист. Так и не решаюсь сегодня больше слушать музыку. Вообще никакую.

В понедельник снова вылезает тёплое кубанское солнце, греет и приносит настроение. Субботний стресс сходит на нет, и я возвращаюсь к своему нормальному настроению. Заданий в университете задают много, но мне нравится учиться. И специальность моя нравится. Многие отговаривали меня идти в педагогический, потому что в профессии этой денег не заработаешь, но папа сказал идти туда, куда душа велит, ведь он всю жизнь работал для того, чтобы его единственная дочь была счастлива. А если счастье для меня – возня с малышнёй, то так тому и быть.

Папа действительно работал и работает очень много. У него своя вполне успешная фирма – крупный подрядчик в обеспечении города телекоммуникациями. И меня с самого детства растили как принцессу – лучшие игрушки, путешествия, любые капризы. Но при этом родители много говорили со мной, объясняя, что такое хорошо и что такое плохо.

Бабушка, потомственная аристократка, чем она очень гордилась, тоже очень любила меня, обожала, когда я играла на скрипке, посещала все мои концерты без исключения. С ней мы были лучшими друзьями. И я долго горевала, когда четыре года назад бабушки не стало.

И сейчас я крепко сжимаю в руке маленький золотой медальон – голубка, несущая витиеватую букву «В». Бабуля говорила, что он принадлежал её роду с 1790 года и неизменно приносил удачу. Обычно я храню его в шкатулке, боясь потерять, но сегодня надела, потому что именно сегодня мой первый в университете промежуточный зачёт.

Видимо, талисман древнего рода и правда работает, потому что я вытягиваю билет с вопросом, который действительно знаю лучше всего! Удивительно.

Справляюсь с заданием без предварительной подготовки, отвечаю преподавателю и получаю своё «отлично».

Настроение прекрасное. Ждать очереди пришлось довольно долго, хоть моя фамилия и на «А», но так распределили. Да ещё и зачёт начинался с обеда, так что когда я спускаюсь с высоких ступеней парадного входа университета, на улице уже начинает смеркаться. Но как дышится замечательно! Тепло, сухо, а запах золотой осени кружит голову. Обожаю осень, она очень яркая и на ароматы, и на краски, и на эмоции.

Мама должна была забрать меня на машине, но потом у них с отцом возникла неожиданная важная встреча. Я написала ей, что возьму такси, к тому же ещё нужно заехать к Машке – давно обещала её маме прийти на ужин. Тем более, завтра только к четвёртой паре.

Я останавливаюсь на тротуаре, немного отойдя от двора университета. Достаю телефон, чтобы вызвать такси. И как-то даже не сразу понимаю, что происходит. Вскидываю глаза уже когда рядом с моими ногами резко тормозит большой чёрный внедорожник.

Резко охаю, едва не выронив телефон, когда распахивается задняя дверь.

– Привет, Принцесса, – меня опаляет знакомым тёмным взглядом. – Прокатимся?

Ни что-то сделать, ни ответить я ничего не успеваю. Миксаев выбрасывает вперёд руку и, схватив меня за запястье, резко дёргает в машину.

Глава 5

Первое ощущение – мягкость сидения машины под локтями и коленками, когда я оказываюсь в салоне. Перегнувшись через меня, парень захлопывает дверь, и машина быстро стартует по дороге.

Мысли в голове начинают вращаться с невероятной скоростью. Господи! Божечки! Я пропала!

Быстро моргаю, пытаясь остановить головокружение. Страх топит вязким болотом, в груди зарождается крик и тут же глохнет, упёршись в ком в горле.

– Выпусти меня! Выпусти! – вжимаюсь в дверь спиной, обхватив себя руками. – Слышишь? Сейчас же выпусти!

Страшнее моего самого жуткого кошмара. Реальность. Меня затащили в машину и куда-то везут.

– Выпусти, пожалуйста! – крупная дрожь охватывает плечи. Мне страшно. Очень-очень.

– Эй, ты чего такая пугливая? – Миксаев улыбается и протягивает ко мне руку, прикасается согнутым указательным пальцем к щеке, проводит до подбородка. – Всё же хорошо, Принцесса. Просто хочу провести с тобой время. Ты мне понравилась.

Зажмуриваюсь, сжимаясь ещё сильнее от его прикосновений. Не надо. Не трогай, меня. Не прикасайся!

– Совсем сдурел? – крик всё же прорывается из меня и топит инстинкт самосохранения. – Ты больной придурок! Ты меня похитил! Сейчас же выпусти меня! Открой дверь!

– Окей.

Козёл прищуривается, а потом переклоняется через меня и дергает ручку, распахивая двери на скорости. Ветер бьёт в лицо и глушит, сердце в диком страхе подскакивает к самому горлу. Я на инстинктах тут же со всей силы вцепляюсь пальцами в его куртку и громко кричу.

Через пару секунд невероятного ужаса он снова захлопывает дверь и хватает меня больно пальцами за щёки, приближая своё лицо.

– Замолчи, – говорит резко, при этом абсолютно не меняясь в лице, а я тут же по его команде проглатываю все звуки. – Прекрати истерику и успокойся.

Он отпускает меня и снова расслабленно откидывается на спинку сидения. А я сжимаюсь, обхватив себя за плечи, мне хочется уменьшиться и исчезнуть, вдавиться в сидение, стать незаметной. Чувствую, что начиню плакать. Щёки жжёт солью там, где он надавил. Мне страшно. Он обидит меня. Сделает больно. Поиграется. А потом что? Отпустит? Господи, что я такого ему сделала?

– Пожалуйста, отпусти меня, Влад, – когда к человеку обращаются по имени, это же должно как-то очеловечить его? – Пожалуйста.

Я говорю тихо, больше не кричу, не ругаюсь. Я просто прошу. Унизительно умоляю, пытаясь воззвать к его человечности. Не может же парень, наделённый таким талантом, наполненный даром, слагающий такие тексты для песен, быть столь жутким чудовищем. Или может?

– Зачем я тебе, Влад? Скажи, зачем? – сдержать всхлип уже не получается. – Со мной скучно, неинтересно и…

Миксаев поворачивается и секунду внимательно всматривается мне в глаза. У меня даже проскальзывает мысль, что он внял моей просьбе, что я смогла достучаться.

Смотрит своей чернотой. Красивый, идеальный, как с картинки. С того постера, что висит у Машки возле кровати. Идол для многих и демон персонально для меня.

Он резко подаётся вперёд, отчего я дёргаюсь, едва не стукнувшись головой о панель возле окна. Но удара не происходит, потому что в волосы мне ныряют длинные пальцы, фиксируя затылок.

– А ты как думаешь, Принцесса, чего я хочу? – произносит на ухо, потёршись своей щекой о мою. – Тебя хочу. И мне кажется, что с тобой может быть очень даже интересно.

– Тысячи готовы тебе в рот заглядывать, только пальцем помани, – отвечаю, чувствуя, как голос предательски дрожит. – Почему я? Я не хочу, Влад, пожалуйста, не надо, отпусти меня.

– Тысячи – потом, а сейчас я хочу тебя, Синеглазка, – упираюсь ему в грудь ладонями, но это ничего не меняет. Он не прижимает меня, но держит близко, затапливая все мои ощущения своим запахом и близостью, опаляет дыханием. – Ты сама дала мне импульс там, на концерте. Смотрела и смотрела своими синими глазищами. Чего же ты тогда хотела?

Едва не подпрыгиваю, когда ощущаю в ямке за ухом влажное касание. Не сразу понимаю, откуда проскакивает металлический звук – серьга в моей мочке столкнулась с пирсингом в его языке.

– Ничего такого я не хотела, я просто слушала твою песню, как и многие другие.

– Не-е-ет. Это неправда, Леррра, – он на иностранный манер выговаривает «р» в моём имени, странно тянет его. Звучит пошло. – Даёшь сигнал – будь готова к последствиям.

Никакого сигнала я не давала, да если уж и говорить о сигналах, то несколько сотен других девушек в клубе сигналили куда сильнее. Но в ситуации этой ужасной оказалась я, и как выбираться – не знаю.

Миксаев отстраняется и смотрит вперёд через лобовое на дорогу. Я зажмуриваюсь, пытаясь сдержать новый поток слёз. Всё равно не отпустит. Моё спокойное беззаботное существование в один момент перевернулось, подпрыгнуло и с подачи ботинка Влада Миксаева покатилось стремительно вниз. И я не знаю, как это остановить, как отмотать день хотя бы на десять минут назад, а лучше до вечера субботы и не пойти в тот чёртов клуб.

Из горла рвётся тяжёлый всхлип, и вдруг я ловлю через салонное зеркало заднего вида взгляд парня за рулём. Страшное предположение, что развлекаться со мной они будут целой компанией, прошивает позвоночник страхом. Наверное, нужно было выпрыгивать в открытую дверь, когда Миксаев пугал меня. Наверное, лучше умереть или сломать себе шею, чем вытерпеть такое. Я всё равно потом жить не смогу. Не смогу!

К чёрту сдержанность! Я всхлипываю, закрываю лицо руками и начинаю громко рыдать. Пусть радуются.

– Эй, ты чего, Принцесса? – с притворным участием спрашивает Влад, отняв мои ладони от лица. – Морика испугалась? – кивает на водителя. – Не бойся, ты только для меня. Только моя, Леррра.

И улыбается своей покоряющей, лучезарной улыбкой, от которой Машка, будучи в расстёгнутом топе, едва не потеряла сознание от радости. Улыбкой, от которой я готова лишиться чувств от страха. Пусть бы так и было – выключиться и проснуться уже на обочине, куда он меня потом выбросит.

У Влада звонит телефон. На его резкое «Да» в трубке кто-то громко и долго говорит, Миксаев молча слушает, заметно мрачнея.

– Я сегодня занят, – надежда вспыхивает и тут же гаснет. – Сильно. До самой ночи.

Сердце ухает вниз. До самой ночи он меня не отпустит. А то, что отпустит, уже сложно будет назвать прежней мной.

– Твою мать.

Он передаёт телефон парню за рулём, тот коротко кивает и резко разворачивает автомобиль. Я вижу, что они оба злятся. Молчу, забившись в угол. Минут через десять мы тормозим возле каких-то гаражей за стройкой. Терзающий меня и до этого жуткий страх становится почти осязаемым.

– Сиди, – отрывисто бросает Миксаев, засовывает себе в карман джинсов мой телефон, который я обронила, когда он втащил меня в машину, и оба парня выходят из машины.

Надежды мало, но как только они скрываются за поворотом первой постройки, я судорожно дёргаю за ручку. Заперто! Ну конечно. Ключей в замке зажигания они предусмотрительно не оставили. И почему я не умею заводить машину как в фильмах – оборвав и замкнув провода?

Ничего острого или режущего не нахожу, и всё, что мне приходит в голову использовать в самообороне – карандаш. Жалко и глупо, знаю. Но его хотя бы можно попытаться воткнуть в глаз, и вдруг посчастливится убежать, пока мой обидчик будет в болевом шоке.

Однако же, даже будучи в страхе и панике, я прекрасно осознаю, насколько тщетны мои попытки себя защитить.

Возвращается Миксаев один минут через пятнадцать. Я инстинктивно вцепляюсь пальцами в сидение. Если он пришёл за мной, то ему придётся меня отдирать, сама я не двинусь.

Но он молча садится за руль и выезжает на дорогу. Смотрит внимательно, ведёт тоже спокойно. Я бы даже сказала аккуратно.

– Влад, – предпринимаю ещё одну попытку. – Пожалуйста! Я хочу домой.

– Я тебя домой и везу, – отвечает абсолютно безэмоционально.

Я недоумеваю, не верю, но замолкаю. Сижу почти не двигаясь.

И Миксаев действительно привозит меня к моему дому.

– До встречи, Синеглазка, – он поворачивается, подмигивает и улыбается.

Не могу поверить, что он меня отпускает. Даже, кажется, мямлю «спасибо» и, едва щёлкают замки на дверях, выскакиваю из машины. Добегаю до забора, трясущимися руками отпираю замок, захлопываю высокую металлическую калитку за собой, несусь к двери дома, то же проделываю и с ней. И уже в гостиной оседаю на пол, закрыв ладонями лицо. Господи! Какой кошмар! Этот парень сумасшедший! Псих! Больной! Протащил меня морально через ад, а потом просто привёз домой. И адрес я ему, кстати, не говорила.

Глава 6

Влад

– Микс, ты придурок. Что за новые правила не курить в машине? – через зеркало вижу, как за рулём Кот морщит рожу. – У меня уши уже опухли. И вообще, садись сам за руль, водилу нашёл, что ли.

– Угу.

Заднее сиденье ещё хранит запах волос девчонки. Пусть побудет, нехрен дымить в салоне.

Я разваливаюсь спиной вдоль сиденья, вытянув ноги и уперев ботинки в светлую обшивку потолка. Батины шестёрки отмоют. Кручу в руках маленький разноцветный шарфик, который слетел с Принцессы. Роняю его себе на лицо и

глубоко вдыхаю. Мм… Рот сразу наполняется слюной, а член в штанах дёргается. Охренительно…

Она пахнет реально охренительно. Не душным бабским парфюмом, а тонко и нежно. Пахнет сама её кожа. Вчера чуть слюни на плечо ей не пустил, когда прижался. Испугалась. Так и задумано, маленькая моя, иначе же совсем не интересно.

Маленькая, хорошая, домашняя девочка. Девки любят прикидываться невинностью, глазёнками своими хлопать, завлекать. А эта нет. Я понял сразу. Не знаю, каким-то шестым чувством ощутил ещё со сцены. Вчера в машине смотрела своим щенячьим взглядом. Отпустить просила. Будет знать, как не слушаться мамочку и папочку и выходить из дома поздно, ходить по клубам и стрелять своими синими глазищами.

– Кот, поехали к Вике, – комкаю маленькую цветастую тряпку.

– Ты ж не трахаешься во время охоты, Микс, – ржёт Котяра. – Настрой сбивать не хочешь.

Так и есть. Иначе в чём прикол добиваться обладания чем-то, если ты в этом не нуждаешься? К приёму пищи лучше быть голодным.

– Не в этот раз, Игорёк, – снова втягиваю её аромат как наркоман и ощущаю сумасшедшую эрекцию. – Иначе охоты и не будет. А просто так взять и трахнуть её – неинтересно.

Да, в этот раз, кажется, мне требуется лёгкий перекус.

– А позвать на свидание не вариант? – Кот снова ржёт, и мне хочется двинуть ему подзатыльник. Но лень. Лежать и вдыхать запах Синеглазки так хорошо.

– Ты ещё предложи сходить на двойное свидание, – тоже ухмыляюсь в ответ. – Позовём тебе её придурочную подружку. В кино сходим, Кот. А? Как тебе? Не всё же тебе порнуху смотреть. А там «Сумерки» посмотрим или ещё какую-нибудь сопливую шнягу.

– Вообще-то нормальные люди так и делают, Влад, – Кот достаёт сигарету и злобно косится на меня, а потом, понюхав её, кладёт за ухо. – Но с той подружкой ну на фиг. Я пока для тебя инфу узнал, офигел от её безостановочной трескотни. Рот не затыкается.

Кот вообще не любит болтливых девок. Говорит, голова от их трескотни раскалывается. А ему как назло такие в основном и достаются. Карма, мать её.

– А ты разве не знаешь, чем полезным можно занять её рот? Так-то девка ничего – сиськи зачётные. Маркер хорошо спружинил, когда я расписывался.

Кот затыкается, до дома Вики ехать ещё минут двадцать. Я прикрываю глаза и погружаюсь в то самое непонятное состояние между сном и явью, которое мне часто заменяет нормальный человеческий сон. Ты как бы сознательно не даёшь себе уснуть. Если так долго лежать, тело словно наливается свинцом, расслабляется. При подобной медитативной технике даже выделяются в кровь в низкой концентрации гормоны сна. Они и вызывают словно лёгкий паралич, когда пошевелиться сложно, но вот мозг выключать не надо. Если бы так всегда можно было его контролировать, я был бы невероятно рад. Так можно не видеть в снах того, чего видеть не хочется.

Но поток притяжения к девчонке настолько сильный, что отвлечься на другие мысли само собой не выходит. В этом и смысл. Когда я поглощён объектом, непрошенные воспоминания блекнут, выцветают и отходят в режим слабо зудящих где-то очень глубоко в мозгу.

Закрываю глаза и мысленно воспроизвожу вчерашний вечер. Её растерянный и удивлённый взгляд, когда двери тачки захлопнулись за спиной. Влажные приоткрытые губы. Глаза огромные. Синие. Я чувствовал, как колотится её сердце. Заметил, как трепещет жилка на шее.

Столь мощного сексуального желания у меня уже не было давно. Чтобы от одного только воспоминания о нежном аромате её кожи.

И паника в синих глазах. Тем интереснее, Принцесса, нам с тобой будет.

Я вчера и не собирался её трогать. Хотел только немного подразнить, поиграть. Без драйва победа не кажется сладкой. Она должна понимать, с кем имеет дело.

И осознавать, что сделать с этим ничего не может.

Пока я дрейфую в мыслях, Кот делает музыку громче. Припев получился слабый. Надо переписать, пока ещё промо альбома не вышло. Добавить соло перед вокалом, чуть усилить нажим барабанов на проигрыше. А то лайтово как-то совсем.

Тормозим у невысокого коттеджа. Вика уже ждёт на пороге. Красивая сучка, длинноногая. И татухи у неё прикольные.

– По очереди или одновременно? – спрашивает Кот, когда я захлопываю дверь машины. – Или её спросим?

– Да по фигу ей, не знаешь, что ли.

Вика – гостеприимная хозяйка. Предлагает нам пиво или кофе, но ни мне, ни Коту сейчас это не нужно. Если Игорь решит поиграться – пусть, я хочу сегодня по-быстрому. Пока Кот выходит ответить на звонок, я падаю на диван и откидываюсь на спинку. После бессонной ночи в теле усталость.

– Вик, давай сегодня без игр. Мне нужен только твой рот.

Мне иногда кажется, что эта девчонка ловит настоящий кайф от минета. Она даже не для меня старается, а для себя. Глаза прикрывает, будто мороженое облизывает. Изумительная техника. Надо – растянет и будет на пороге пика держать так долго, что пот по спине повалит, а если хочется по-быстрому, то и до трёх посчитать не успеешь. Вот что значит, человек любимым делом занимается.

Но сегодня нас на неё двое. И уже довольно скоро я ощущаю, как поясницу начинает приятно покалывать. Дышу глубоко и закидываю руки за голову. Вдруг ловлю от собственного запястья лёгкий запах Принцессы. Я наматывал на кулак её шарф, и запах «отпечатался» на моём рукаве.

И тут меня накрывает. Резко и стремительно. Торможу Вику за волосы, чтобы сбавила темп, и кончаю ей в глотку. Охренеть, как хорошо. Умница, глотает всё до капли.

– Спасибо, детка, – мягко похлопываю её по щеке. – Передохни, Кот сегодня голодный.

Застёгиваю штаны и закуриваю. Накрыло так накрыло. Эх, просто нам с тобой не будет, Принцесса. Не получится.

Глава 7

До конца недели я на учёбу не хожу. Наверное, стресс спровоцировал простуду, и я заболела. Не сказать чтобы сильно, но слабость была жуткая и горло саднило. Мама настаивала на вызове врача, но я не согласилась. У меня даже температуры не было.

К выходным уже немного прихожу в себя. Родители собираются провести выходные с партнёрами отца по бизнесу на турбазе, а мне одной в доме оставаться не хочется. Я и раньше не оставалась, а теперь вообще как-то не по себе. Поэтому звоню Маше и напрашиваюсь на пижамную вечеринку. Её мама заведующая отделением в областной больнице и сегодня дежурит в ночь, поэтому большой телек в гостиной и ведёрко черничного мороженого отлично скрасят нам вечер. В общем-то даже будь её мать дома, мы бы всё равно так и поступили. Правда пришлось бы пикантные моменты проматывать. Я вот, допустим, не могу при родителях смотреть даже поцелуи на экране – смущаюсь. А в современных молодёжных фильмах и погорячее есть сцены.

Родители подвозят меня к дому Карташовой ближе к семи. Машка живёт на окраине нового жилого комплекса многоэтажек. От нашего коттеджа ехать совсем недалеко. Мама берётся меня проводить, хотя я её уже сто раз просила так не делать.

– Никому не открывайте, – наставляет мама. – Если кто-то позвонит в двери, внимательно смотрите в камеру.

– Мам, нам не по десять лет, – улыбаюсь и целую её в щёку.

– Напомнить о безопасности лишним не будет.

Может и так.

– Что будем смотреть? – Машка с пультом плюхается на диван, когда я захлопываю за мамой двери. – Я недавно прочитала книгу одной писательницы, по ней вот, оказывается, и фильм уже вышел. Не помню название, но можно в интернете поискать. Молодёжка. Там парень такой весь плохиш и девушка правильная и скромная. Он её соблазняет, ну и у них там всё такое…

– Нет, – перебиваю Машу слишком уж резко. – Не хочу я такое смотреть.

– Но тебе же раньше нравилось! – Карташова в искреннем изумлении таращит глаза.

– Разонравилось.

Настроение портится резко и бесповоротно. Я сажусь в угол дивана, скидываю тапочки и поджимаю ноги под себя. Бабушка всегда говорила, что так сидеть вредно, но я немножко.

– Давай что-нибудь попроще. Комедию, может. Или ужастики. Хотя нет, не надо ужастики, лучше комедию.

Машка смотрит долгим взглядом, но ничего не говорит. Только вздыхает и начинает клацать пультом, перебирая в приложении смарт-тв фильмы. В итоге останавливаемся на каком-то полнометражном мультфильме. Смотрим молча, почти не перекидываясь фразами. И мороженого не хочется.

– Я спать хочу, – поднимаюсь, как только титры начинают скользить по экрану. – Пойду, Маш. Если хочешь, смотри ещё что-нибудь.

Чищу зубы и расстилаю Машкину постель, забираюсь на сторону, где всегда сплю, когда ночую у неё. Некрасиво я веду себя, понимаю. Но с Машуней можно быть честной. Мы так привыкли – понимать капризы друг друга.

Спать на самом деле совсем не хочется. Точнее хотелось, а теперь нет. Тупо смотрю в потолок, блуждаю рассеянным взглядом, но вдруг напарываюсь на огромный постер над письменным столом. Внутри всё сжимается, стоит только

увидеть черноту взгляда парня по центру. Пусть он только на бумаге, но я будто слышу в тишине его шёпот:

«Ты только для меня. Только моя, Лерррра»

Я ощущаю это так явно, что начинаю задыхаться. Воздуха мало, мне душно. Сбрасываю одеяло и вытягиваюсь, интуитивно прикасаясь ладонью к горлу, будто туда кто-то надел ошейник, и он мне давит, не даёт свободно вздохнуть.

Дёргаюсь, когда щёлкает замок на двери. Матрац прогибается – Маша укладывается рядом. Я продолжаю лежать молча, считая собственные вдохи и выдохи в попытках расслабиться и успокоить тарахтящее сердце.

– Лер, – тихо зовёт Маша спустя несколько секунд. – Что с тобой?

Я и сама не знаю, почему ничего ей не рассказала. Раньше мы всегда делились подобным, но в этот раз… Рассказать – значит пережить тот страх ещё раз. И вот сейчас я тоже молчу, словно язык мой окаменел.

– Ты что же, до сих пор сердишься на меня? – Карташова приподнимается на локте и смотрит внимательно.

– Не сержусь, Маш.

– Тогда что не так?

И я всё же решаюсь поделиться.

– Всё не так, Маш. С момента того похода в клуб всё не так, – поворачиваюсь на бок, смотрю в полутьме во внимательные глаза подруги. – Я тебе не рассказала. В понедельник после экзамена кое-что произошло. Я никому не рассказала.

Маша сводит брови, смотрит напряжённо, а я переворачиваюсь на спину и утыкаюсь снова в потолок.

– Когда я ждала такси, подъехала здоровенная тачка. Я и пикнуть не успела, как этот Миксаев затащил меня внутрь, а потом машина сорвалась с места, –

чувствую, как голос дрожит. – Маш, мне так страшно ещё никогда не было. Я просила его отпустить меня, а он такие жуткие вещи мне говорил, представляешь? Это не парень, а чудовище какое-то. Разве нормальные так делают?

Машка подвигается и обнимает меня, а я понимаю, что всё лицо у меня мокрое. Стараюсь успокоиться и рассказываю ей в подробностях всё.

– Блин, он, конечно, реально придурок, – Машка плюхается на свою подушку. – Никогда бы не подумала. Микс таким классным мне казался всегда, хотя милахой он никогда на сцене не прикидывался. Лер, – она снова смотрит на меня. – А может, это он просто прикололся так? Ну или подкатывал. Он-то домой тебя в итоге привёз, ничего так и не сделав.

Я едва шею не сворачиваю, резко повернувшись.

– Ты серьёзно сейчас? Ты хоть понимаешь, как мне страшно было? И, думаю, ему просто куда-то понадобилось, а так бы все свои мерзкие угрозы он бы осуществил.

– Прости, – Маша снова обнимает меня. – Просто он столько времени был моим кумиром, а тут ты такое рассказываешь. – Но ты правильно сделала, что поделилась, такое же в себе таскать невозможно. И будь осторожна, Лер.

И тут вдруг тишина в комнате взрывается оглушающей музыкой с голосом, от которого меня бросает в дрожь. В первые секунды я даже не сразу соображаю, что это у Машки рингтон на телефоне. Она быстро выдёргивает смартфон из-под подушки и выключает звук.

– Твоя мама звонит.

– Точно, я свой телефон в куртке в коридоре забыла.

Отвечаю на звонок, пытаясь держать голос ровным и спокойным. Успокаиваю маму тем, что мы, конечно же, дома и уже улеглись в постель. Прощаюсь и отдаю Маше телефон.

– Поставлю на беззвучный, – бормочет она, выключая звук и снова засовывая телефон под подушку.

Подруга берёт меня за руку, и так и засыпает. Я же ещё долго лежу, наблюдая, как тени от деревьев, колышимых ветром, стелются по потолку, словно тянутся своими крючковатыми руками к чему-то. Неоднократно возвращаюсь взглядом к постеру над столом.

Вроде бы всё осталось позади, ничего страшного так и не случилось, но… Страх внутри щекочет, царапает. И я вдруг нащупываю, почему. Его последняя фраза, которую он сказал перед тем, как я выскочила из машины.

«До встречи, Синеглазка»

Вот, чего я боюсь. Что это не просто фраза, а конкретное обещание. И этот ненормальный не похож на того, кто разбрасывается пустыми словами.

И едва я тоже, наконец, проваливаюсь в сон, как квартиру снова разрезает резкий звук, на этот раз дверного звонка. Вскакиваем с Машей одновременно и испуганно смотрим друг на друга.

– Кого может принести в… – она смотрит на дисплей телефона, – в почти двенадцать ночи?

Выбираемся из постели и идём через гостиную в коридор, держась за руки. Понимаю, что пока мы не открыли двери, ничего страшного не случится. Мы дома, за надёжными дверями. Но страх всё равно сковывает, заставляя сердце колотиться быстрее. Я так с последними событиями точно перейду в разряд сердечников.

Машка нажимает на камеру домофона. В хорошо освещённом подъезде видно, что стоит женщина средних лет.

– Это консьержка, – шепчет Карташова и нажимает на спикер. – Лилия Ивановна, что случилось, что вы так поздно?

– Мария, – отвечает женщина. – Я и сама удивилась. Тут коробку в вашу квартиру курьер передал. Сказал срочно. А ещё сказал, что это для Валерии.

Мы замираем, переглядываясь. Чувствую, что меня начинает тошнить.

Едва не хватаю Машку за руку, когда она всё же открывает двери и забирает коробку у консьержки. Захлопывает дверь, закрывает замок и ставит в гостиной на журнальный столик.

Коробка красивая, в форме цилиндра. Нежно-бежевая, с розовой лентой вместо ручки. Обычно в таких сейчас стало модно дарить цветы. Но мы с Машей смотрим на неё так, будто там бомба с часовым механизмом.

– Здесь записка, – Маша тянет руку к листочку, прикреплённому сбоку, отрывает его и протягивает мне.

Это нелогично, но я мотаю головой, и тогда она читает сама.

«Принцесса, прости, если напугал. Позволь мне загладить вину. Принцессы же любят цветы?»

Машка улыбается, а у меня спина покрывается холодным потом. Откуда он знает, где живёт Карташова, и вообще, что я сейчас у неё?

– Ну смотри, не такой уж и придурок, раз извиняется, – говорит подруга. – Цветы прислал. Ну открывай уже!

Меня не покидает ощущение, что здесь что-то не то. Я помню его чёрный взгляд, помню то, что в нём плескалось в то время, как лицо было абсолютно спокойным и расслабленным.

Но всё же берусь за крышку. Сидит плотно, и я беру коробку в руки, чтобы было удобнее. Поддеваю крышку, она слетает, а я столбенею, а потом отшвыриваю коробку вместе с розами. Чёрными.

Чёртов псих прислал мне тринадцать чёрных роз.

Глава 8

Я ему не позволю. Не дам запугать меня. Чёрта с два тебе, долбаный ты псих!

Прикрываю глаза и сжимаю руки в кулаки, стоя у окна. Уже больше недели я живу в этом аду, сотканном из страха. Понимаю, что он делает. Манипулирует. Запугивает. Играет. Но какова цель? Поиметь меня? Думаю, это было бы слишком просто – физически. Он хочет поиметь меня ещё и морально. И, надо сказать, у него получается.

Я может и не бойкая палец-в-рот-не-клади, но и не дура. Хватит. Мне эти игры осточертели. Клуб, машина, розы… И вот вчера снова.

В мае я выпустилась не только из гимназии, но ещё закончила музыкальную школу – лучшую в городе и всём крае. Восемь лет отдала скрипке. И моя преподавательница очень любила меня за старательность и, как она утверждала, настоящий талант. Но, думаю, тут больше я брала всё же старательностью. Мы с ней всё лето поддерживали отношения, а с осени она пригласила меня работать в дуэте с пианистом. Надо сказать, подобное в школе особо не практикуется. Научили – отпустили с выпуском в жизнь, если ученик не связал свою профессию с музыкой. Но со мной Вера Степановна расстаться совсем не захотела.

И вот вчера я пришла на репетицию. Пока девочка-пианистка разыгрывалась с Верой Степановной, я взяла скрипку и отвернулась к окну. Прикрыла глаза – всегда так делаю, когда ставлю смычок на струны. Ловлю первое мгновение музыки, настраиваясь. Под разыгравшийся за окном дождь сделала первые движения рукой, расслабляя кисть и сливая её со смычком.

А потом открыла глаза и увидела его. Мой ночной кошмар стоял у дороги напротив окон. Ноги широко расставлены, руки в карманах, сзади такой же чёрный, как и он сам, здоровенный мотоцикл. Даже с высоты третьего этажа, сквозь стену дождя и расстояние я видела, что он смотрел прямо на меня, не моргая и не шевелясь. Весь мокрый, но, кажется, его абсолютно не заботило, что холодная вода стекает по лицу и одежде. Он просто стоял и смотрел. Помимо воли зародилось ощущение, что он и не человек вовсе.

Смычок соскочил, и я едва не выронила скрипку. Сыграться с девочкой-пианисткой практически не вышло. Пришлось извиниться перед ней и преподавательницей и сослаться на головную боль. И это даже не ложь была, потому что голова действительно разболелась. Я набралась смелости и снова выглянула в окно, но напротив уже никого не было. Однако вызывать такси не стала, а позвонила папе и попросила забрать, тоже сказав, что чувствую себя плохо.

Отец оставил на работе помощника за главного и скоро приехал. Мне стало стыдно и неудобно, что я отрываю папу от дел. Но мне и вправду было страшно.

Всю ночь я продрожала под одеялом, вспоминая то чёрные розы, рассыпавшиеся по светлому ковру в гостиной Карташовой, то сжатые плотно губы и стекающую по широкому подбородку дождевую воду, то горячее влажное касание языка у меня за ухом. Проваливалась в дрёму и снова вскидывалась. Зачем-то задёрнула шторы на окне. Снова вертелась в постели, не находя удобного положения. И уснула уже под утро.

Встала, естественно, в дурном настроении и с опухшим лицом. И тогда я разозлилась.

Не угадал он ни черта. Просто так ли я проходила курсы психологии и сейчас изучаю её в институте? Не позволю я какому-то психу свести меня с ума, пусть даже не думает.

Тогда в машине я потеряла свой шёлковый шарфик, но это пол беды. Я сильно расстроилась, что с меня слетел бабушкин кулон на цепочке. Он очень важен для меня. Передавался в моей семье из поколения в поколение с конца восемнадцатого века, так что я не собираюсь терять его из-за какого-то придурка.

И вот после определённых принятых решений я стою сейчас у окна. Решимости поубавилось значительно, но я вознамерилась вернуть свою вещь. И спокойствие. Психологи говорят, что чтобы перестать бояться, надо резко развернуться и посмотреть в глаза своему страху. Иногда он просто рассеивается.

Этот Миксаев просто поймёт, что мне плевать на его игры и отстанет. Пусть ищет кого-то, кто будет бояться его. А я – нет.

Делаю вдох-выдох. Ещё раз проверяю в сумке купленный сегодня газовый баллончик и вызываю такси. Я нашла в Интернете адрес, где находится репетиционная студия «Wet rain», в их Инсте по фоткам прикинула, когда они примерно репетируют. Концерт в клубе значится на завтра, значит, скорее всего, они готовятся. Ну или, по крайней мере, я посмотрю на это место, может у кого узнаю, когда ребята там бывают.

Да, Влад, я тоже не дурочка. Ты удивишься, но я могу за себя постоять.

Машке о своём решении говорить не стала. В последнее время я рассказываю ей всё меньше, и меня саму это тревожит. Но так мне лучше. Поэтому пусть будет.

В такси сажусь решительно. Сейчас почти четыре часа дня, на улице светло и солнечно. Небольшое здание, где проходят репетиции «Wet rain», находится в густонаселённом районе. И я вооружилась. Хочу вернуть свою вещь и спокойствие!

– Чапаева,12, – объявляет таксист, когда тормозит перед входом.

Я расплачиваюсь и выхожу. Не так уж тут и людно, однако. Невысокое двухэтажное здание стоит на пересечении кварталов. По одной стороне идут какие-то магазины, а дальше частные коттеджи, по другой старые здания в три-четыре этажа, а на первых размещены то прачечные, то мастерские, какие-то ещё магазинчики и не сильно масштабные организации.

Встречный ветер бьёт в лицо, треплет волосы. Я решительно перехожу дорогу и подхожу к зданию. Несколько ступеней отделяют меня от металлической двери. Нервы шалят, напряжение играет в мышцах, отдаваясь лёгкой дрожью в кончиках пальцев.

Изнутри слышится довольно громкая музыка, значит, как раз идёт репетиция. Мне повезло. Наверное. Но я ведь за этим сюда пришла.

Поднимаюсь по ступеням уверенно и берусь за ручку. Дверь поддаётся, и музыка обрушивается на меня с куда большей силой, но тут же обрывается.

Из небольшого фойе идёт винтовая лестница наверх, а сбоку коротенький коридорчик и большие стеклянные двери.

Я вешаю сумку на плечо, расположив открытый замок так близко к руке, чтобы при необходимости выхватить баллончик. Делаю несколько глубоких вдохов и медленных выдохов.

Давай, Лера, взгляни страху в глаза. Ничего он тебе не сделает.

Стеклянные матовые двери слегка приоткрыты. Из просторной студии слышны смех и несколько пробных гитарных рифов.

– Влад, не прикалывайся! – слышен звонкий женский голос. – Ты перетягиваешь, и я не могу вступить вторым. Мы дуэт, а не подпевка с моей стороны.

Девушка смеётся и пытается в шутку стукнуть Миксаева по лбу, а тот уворачивается, выхватывает у неё из руки какую-то еду и закидывает себе в рот, громко хрустит в микрофон и тоже смеётся.

Мне приходится мотнуть головой, чтобы сморгнуть видение. Он сейчас такой… нормальный. Даже больше – классный. Такой, каким его видят фанатки, каким его видит Маша. Но мне он показал совсем иную сторону. Настоящую.

Девушка остаётся рядом с клавишником за установкой, а Миксаев снимает с плеча электрогитару и проходит в центр, усаживается на высокий барный стул и наклоняет к себе стоящий в стойке микрофон.

Барабанщик бьёт палочками несколько раз, и музыканты вступают по очереди. Музыка тихая, девушка молчит. Влад прикрывает глаза и начинает говорить на английском. Не петь, а именно говорить. Потом переходит на медленное спокойное пение, перемешанное с каким-то отчаянным речитативом, пока не взрывается глубоким невысоким вокалом. Музыка нарастает ему под стать, девушка подпевает на припеве, но я словно зачарованная наблюдаю за Миксаевым. Его глаза закрыты, ладони сжаты в кулаки. Отчаяние, смешанное с

обречённостью. Голос вплетает такие эмоции, от которых хочется за голову схватиться. Снова зарождает ту самую дрожь за грудиной, заставляет вибрировать внутри что-то тёмное. Не отпускает и не ослабляет хватку.

Как? Как этот парень может одновременно быть социопатом, запугивающим меня одним своим видом, и быть таким искренним у микрофона? Как мне достучаться именно до последнего, чтобы он понял, что так нельзя? Нельзя затаскивать девушек в машину, нельзя пугать их своими жуткими подарками, нельзя преследовать.

Влад меня не замечает, продолжая петь, но замечает клавишник. Не просто замечает – удивлённо выкатывает глаза. А потом кивает Миксаеву на дверь, когда тот открывает глаза. Солист поворачивается ко мне, и в его взгляде проскальзывает искреннее удивление. Я же, не дав себе проанализировать собственную реакцию на этот взгляд, задираю подбородок и делаю шаг вперёд.

Он поднимает руку, останавливая музыкантов и разворачивается всем корпусом ко мне, так и оставаясь сидеть на стуле.

– Вот так сюрприз, Принцесса. Чем обязан?

Всё хорошо, Лера, всё нормально. Просто забери своё. Ничего он тебе не сделает.

– У тебя осталась моя вещь, – говорю ровным голосом, не дам ему почувствовать, что боюсь до трясучки. – Верни, пожалуйста.

Он пару секунд медлит, рассматривая меня.

– Эта? – вытаскивает из нагрудного кармана куртки мой шёлковый шарфик.

Зачем он таскает его с собой?

– И эта тоже. Но мне нужна другая. Кулон на цепочке.

Что ему стоит сказать, что не находил такого. Просто высмеять меня при всех.

– Голубка с буквой «В»? Есть такой.

Он встаёт со стула и направляется ко мне. Я же напряжённо замираю. Действия Миксаева предугадать нереально.

Влад достаёт из заднего кармана джинсов какой-то белый прямоугольник и протягивает мне.

– Что это? – смотрю не прикасаясь.

– Ключ-карта. По лестнице наверх моя комната. Твой кулон на письменном столе.

Он и живёт здесь, что ли?

– Так принеси, я не собираюсь копаться в твоём жилище.

– Если ты не заметила, Принцесса, я занят. Ребята торопятся, а нам ещё две песни обкатать надо. Хочешь – жди, пока я освобожусь, – он кивает на стул у окна. – Или забирай сама.

Хочу ли я дождаться, пока он освободится? Да нет уж! Просто заберу кулон и уйду. Пока при друзьях Влад кажется адекватным, нужно воспользоваться.

– Хорошо, – выдёргиваю ключ-карту из его рук и иду к двери.

Держу спину почти неестественно прямо, ощущая, как её жжёт то ли от взглядов, то ли от собственного страха. На стеклянной двери вижу в отражении, что Миксаев снова усаживается на стул. Хорошо, значит и вправду занят. Главное, всё сделать быстро.

Его голос, звучащий в студии, для меня как маяк, что он находится именно там. И я припускаю наверх по лестнице. Торможу у металлической двери, прикладываю карту к светящейся зелёной кнопке. Слышен сигнал, и дверь отмыкается. Сжимаю зубы и вхожу внутрь.

Мне просто нужно забрать кулон.

Быстро оглядываюсь в небольшой студии. Стены выкрашены в чёрный с какими-то фиолетовыми и зелёными разводами. Мебель тоже тёмная. Окна стилизованы под витражи. Огромная кровать по центру с разбросанным тёмным постельным бельём. Стеллажи с книгами и дисками, плазма на стене. Большой письменный стол с кучей разбросанных листков.

Я хотела забрать кулон и скорее бежать, но вдруг застываю. Такое ощущение, что я попала не в его комнату, а в голову. Ассоциация проскакивает быстро, словно вспышка. Витающий в квартире запах бьёт по обонянию, призывая в памяти момент, когда Влад прижался ко мне.

Слишком тяжело и мрачно. Даже дышать становится трудно.

Я шарю руками по столу в поисках своей голубки. Намерено стараюсь не цепляться за строки, которыми испещрены листки. Не хочу ничего о нём знать. Ничего!

Вот он!

Мой медальон вместе с цепочкой лежит под одним из листков. Я выхватываю его, заталкиваю в сумочку и тороплюсь к выходу. Снова прижимаю карту к светящейся точке, но… дверь издаёт звук, отличный от того, с которым отпиралась, и светодиод загорается красным. Электронный замок не срабатывает и во второй, и в третий раз. Рядом есть цифровая панель, но кода я не знаю.

Мне требуется несколько секунд, чтобы осознать, что я заперта в его квартире. И я пришла сюда сама.

Что же я наделала…

Глава 9

Дура! Какая же я дура!

Сжимаю руками виски и оседаю на корточки.

Начиталась глупых статей и поверила, что смогу своей смелостью выстроить стену, пошатнуть желание этого психа меня мучить. Пришла к нему. Сама! Вот, Влад, возьми! На блюдечке с голубой каёмочкой.

Решила, что смогу тягаться с ним. Противостоять. Смешно же самой теперь…

Так. Нужно собраться. Взять себя в руки и сконцентрироваться. Музыку ещё слышно, значит, Миксаев занят. Думай, Лера! Думай!

Я выдёргиваю телефон из кармана, хочу позвонить Машке. Только что она сделает? Чем поможет? Может, позвонить Марку – моему старшему двоюродному брату? Он, конечно, против Микса воробей на длинных ножках. Но он мой брат всё же, и он парень. Родителям нельзя. Как я объясню им, почему их воспитанная, хорошая дочь вляпалась в такую историю? Стыд и позор. И их нескончаемые переживания. Максимум, о чём они должны волноваться, так это о том, что я меньше сплю и хуже ем из-за скорой сессии.

Батарея заряжена – у меня нет привычки ходить с низким зарядом. А вот сети нет. Как так-то? Почти в центре города, а мобильная сеть показывает бублик.

Плохо. Это очень плохо.

Окна у меня тоже открыть не получается. На полное открытие ручка не поворачивается, только на форточку. Да вряд ли я решусь спрыгнуть со второго этажа. Но вдруг там есть карниз или пожарная лестница? Не квартира, а тюрьма просто. А может, так и есть – клетка, в которую он себя запирает, когда теряет человеческий облик. Или не только себя…

По коже ползут противные мурашки, когда я убеждаюсь, что кроме как через дверь, которую может открыть только хозяин, из квартиры не выбраться. Страх и паника зарождаются глубоко внутри и начинают разрастаться по телу, пуская везде свои противные липкие щупальца. Впитываются, въедаются, прожигают. Кажется, даже само дыхание становится нестерпимо горячим. Прикрываю глаза, пытаясь успокоиться и прогнать все те отвратительные и жуткие картинки, что возникают в голове от мысли, что он может со мной сделать. Ведь ясно дал понять тогда в машине.

Время тянется. Ползёт, словно заторможенное. Мне становится душно, я снимаю пальто и открываю форточки. Задыхаюсь в этой тёмной клетке. Расправляю плечи, стараясь сбросить скованность.

Проходит полчаса. Затем ещё час. Ожидание сводит с ума, но его финал страшит. Мне надо чем-то занять себя, чтобы не начать сходить с ума.

Я встаю и начинаю ходит по квартире. Или комнате, тут даже сложно определить. В моём понимании квартира – это нечто намного большее, а это просто огромная комната с удобствами в виде кухни и санузла. Но не суть.

Осматриваюсь. То, что поначалу показалось тяжёлым и небрежным, при более внимательном взгляде оказывается тщательно продуманным дизайнерским решением. Каждая деталь на своём месте. И то, что здесь живёт парень, тоже очевидно. Не сказать что неряшливо, но беспорядок присутствует – постель разобрана, одежда переброшена через спинку стула, а на письменном столе хаотично разложены листки, карандаши, какие-то книги. Кружка со свисающей биркой от пакетика с чаем.

Но в кухонной зоне посуды грязной нет.

Обнимаю себя за плечи, пытаясь выровнять эмоции и иду к полке с книгами. Странно в принципе её тут видеть. «Парфюмер» Зюскинда только добавляет мне напряжения. «Граф Монте-Кристо», «Отверженные»… Серьёзная классика. Интересно, он их прочитал или это тоже часть дизайна квартиры?

Но также здесь много книг по математике. Мне только от одних названий становится нехорошо: «Дифференциальные уравнения», «Функции комплексного переменного», «Интегральные исчисления», «Аналитическая геометрия» и ещё несколько с труднопроизносимыми названиями. Он разбирается в математике? Говорят, музыка и математика близки как пальцы одной руки. Может, Миксаев и является наглядным примером этого, но вот я – точно нет. Я будто с планеты, где такого понятия, как алгебра и геометрия, не существует. Понимаю, что мир наш построен на математике, но для меня это запредельно. Приходилось до зубовного скрежета зубрить в школе, чтобы получить медаль.

В углу комнаты замечаю то, что меня удивляет ещё больше. То ли манекен, то ли муляж какой-то. Напоминает манекен для снятия мерок, только более детальный что ли. Наверное, что-то связанное со спортом. Рядом на стене в специальных держателях закреплены несколько длинных палок разной длины. Что за спорт такой? Я несколько лет по настоянию бабушки занималась фехтованием. Но в выпускной год бросила, потому что нужно было сконцентрироваться на ЕГЭ и поступлении. Да и бабули уже не было, чтобы подталкивать меня к спорту.

Увлёкшись разглядыванием места моего вынужденного заточения, я совсем не заметила, что с первого этажа не слышна музыка. Поэтому резко вздрагиваю, когда раздаётся писк электронного замка. Горло пересыхает, а язык прилипает к нёбу. Ни вдохнуть спокойно, ни сглотнуть.

Я спешно разворачиваюсь и застываю, спрятав баллончик за спину. Бросаться наперерез смысла нет, всё равно не проскочу. Зачем дразнить его? Да и пальто я оставила на краю кровати.

Влад входит не торопясь, вперив в меня свой тяжёлый взгляд. Я уже поняла, что это его способ подавлять собеседника – смотреть неотрывно в глаза.

– Я не смогла выйти, – почему-то выходит так, что я оправдываюсь, словно его фанатка, тайком пробравшаяся.

– Я отключил замок, – разворачивает ко мне экраном свой смартфон. – Удалённо. И активировал глушитель мобильной сети.

– Ого. А квартирка с наворотами, – сглатываю, убеждаясь, что заперлась здесь не по случайности.

– Образ жизни обязывает.

Больше я сказать ничего не могу, лишь наблюдаю, как Микс неспешно подходит ближе. Сжимаю баллончик, но понимаю, что вряд ли им воспользуюсь. Это глупо. Ну выпущу струю ему в лицо, а дальше что? Дверь захлопнулась, кода я по-прежнему не знаю, поэтому сбежать не получится. Только разозлю его и сама отравлюсь газом. Наверное, с Владом как с диким зверем: если уж попал к нему в клетку, лучше не злить. Тем более, что выбора у меня и нет особо.

Можно рассуждать сколько угодно, но когда он подходит так близко, что между нами остаются сантиметры, из головы выветриваются все мысли, а ноги намертво прирастают к полу. Я даже не могу сделать шаг назад. Только смотрю неотрывно в темноту его глаз.

– Никогда больше так не делай, Лера, – голос приглушён, лицо парня спокойное. И это пугает не меньше.

Кожу ощутимо покалывает электричеством, а дыхание сбивается, когда он ведёт двумя пальцами от самого плеча вдоль всей руки, а потом крепко сжимает мою кисть, которую я спрятала за спину. Перехватывает выпавший баллончик, оставляя меня даже без призрачной защиты.

– Некрасиво угрожать мне в моём же доме, не находишь?

Он высокий. Крепкий. Просто огромный рядом со мной. Я ему макушкой едва до плеча достаю. Что я могу против него?

О чём я только думала, когда решилась на этот глупый шаг противостояния?

Миксаев наклоняется, глубоко втягивает носом, едва прикасаясь к коже. Почти невесомо, но у меня от напряжения начинают неметь пальцы.

– Не делай мне больно, – шепчу. Просить – жалко, но что ещё я могу поделать. – Пожалуйста.

– Не буду, – он говорит, слегка прикасаясь губами к моему уху. – Ещё рано. Но ты ведь понимаешь, что просто так я тебя не отпущу.

Он снова втягивает мой запах, мягко прижимается губами чуть ниже уха. Это пускает по моему телу какой-то странный, невероятно мощный разряд, заставляя всё внутри сжаться, а сердце пуститься ещё быстрее.

– Скажи мне, Принцесса, – шепчет он, почти не отрывая губ, – ты уже была с кем-то?

Не знаю, какой ответ будет мне в пользу. Если скажу да, может воспринять это как зелёный свет, а так вдруг не захочет возиться… Поэтому отвечаю правду, отрицательно качнув головой. На голос у меня сил сейчас не осталось.

Влад выпрямляется и снова цепляет меня взглядом словно магнитом. Свой ни спрятать, ни отвести. Держит на привязи страха незримой прочной нитью.

Он поднимает руку и прикасается к моей щеке, ведёт пальцами от скулы к губам. Когда его жёсткие пальцы обводят их контур, я непроизвольно всхлипываю. Он сказал, что не сделает больно. Но у нас могут быть разные понятия об этом.

Его рука скользит ниже и ложится открытой ладонью мне на шею. Обнажённая кожа под его пальцами начинает гореть. Запоздало сожалею, что не надела водолазку с высоким горлом.

А потом я чувствую, как он давит, вынуждая меня опуститься вниз на колени. Неужели ему нужно столь явное признание моего унижения?

О Господи! Нет!

Мой взгляд упирается в его вздыбленную ширинку, и до меня враз доходит, чего он хочет.

Нет.

Нет-нет.

Нет-нет-нет!

Я не могу! Не стану!

Я ведь даже понятия не имею, как это делать, даже если бы захотела. Слышала, конечно, но не более.

– Не надо… – голос хрипнет, а глаза начинает жечь.

Снова поднимаю взгляд, сталкиваясь с его темнотой. Беспросветно. Он не внемлет.

Миксаев ведёт большим пальцем по моему подбородку, снова прикасается к губам.

– Открой рот, – тихо приказывает.

– Влад… – одна слеза всё же срывается с ресниц и катится по щеке.

Он легко надавливает мне на нижнюю челюсть, вынуждая выполнить распоряжение, и проталкивает свой большой палец мне в рот. Давлюсь всхлипом и начинаю дрожать. Звенящая тишина, подчёркивающая тяжёлое дыхание парня, давит на уши.

– Обхвати губами и соси.

Ещё один тихий приказ как пощёчина. Я сойду с ума. Свихнусь. Не выйду из этой жуткой комнаты здоровой.

Почему я? Почему он делает это со мной?

Слабо сжимаю губы и немного втягиваю. Восприятие самой себя даёт трещину. Болезненную и глубокую. Кем я буду считать себя после всего этого? После того, что он сделает. Ведь палец – лишь игра. Разминка. Я это понимаю.

Сопротивляться всё равно бесполезно. Я попросту боюсь его.

– Умница, – выдыхает и вытаскивает палец из моего рта, весь влажный в моей слюне.

Крепко сжимаю кулаки, когда Миксаев прикасается к ремню джинсов. Он заставит меня. Сделает это.

Но вдруг Влад делает шаг назад, а потом отворачивается и уходит в сторону кухонной зоны. Внутри будто что-то лопается, и я с выдохом облегчения едва ли не падаю на пол, вовремя опёршись на вытянутые руки.

– Пошли пить какао, – слышу ровный голос будто через толщу воды.

– Что? – тупо переспрашиваю, уверенная, что ослышалась.

– Какао, говорю, пошли пить, – он щёлкает кнопкой на электрическом чайнике, и тот спустя пару секунд начинает шипеть. – Принцессы же любят какао, так?

Чёртов псих. Ненавижу тебя.

Глава 10

Дрожа всем телом, я всё же собираю себя и поднимаюсь на ноги. Дверь по-прежнему заперта, и меня никто не отпускал, а значит, игра всё ещё не закончена.

Миксаев хлопает дверцей холодильника, достаёт оттуда что-то и ставит на рабочий кухонный стол. Я замираю на том же месте, где и стояла, лишь неотрывно слежу за его действиями, ленивыми движениями, будто он всё это делает невзначай.

– Ну где ты там? – в его голосе нет раздражения или нетерпения. Абсолютное спокойствие и уравновешенность.

Наверное, я как овца на закланье – иду куда говорят, делаю, что велят. А есть ли смысл истерить и бороться? Ну укушу я его пару раз, поцарапаю, а толку? Откуда я знаю, на что он способен? А если бить станет? Я очень боюсь боли, просто панически. До сих пор когда уколы делают, плачу. Сбитые коленки всегда были трагедией, а когда их мазали зелёнкой, то ещё паре членов семьи нужно было дуть со всей силы. И смелость моя сейчас может привести не просто к синяку, что замазал и забыл, а и к более серьёзным последствиям.

Подобравшись вся изнутри, иду в кухонную зону, не отрывая от парня взгляда. Слежу за каждым движением, будто это как-то поможет мне с ним справиться. Широкие плечи, обтянутые чёрным свитером, узкие бёдра, длинные крепкие

ноги, уверенно расставленные в широкой стойке. Даже со спины, если не видеть его тяжёлого тёмного взгляда, становится понятно, что перед тобой тот, с кем не поиграть. Что его надо воспринимать серьёзно.

– Влад, мне нужно домой.

– Скоро пойдёшь. Ты же пришла ко мне в гости. Я хочу быть радушным хозяином. Садись, – кивает на высокий барный стул со спинкой.

Мне хочется закричать на всю, грубо его встряхнуть. Какой к чёрту радушный хозяин?

– Я к тебе не в гости пришла. Я хотела забрать свою вещь. Выпусти меня из квартиры, – я пытаюсь говорить ровным твёрдым голосом, но у меня это совсем не получается.

Наверное, мои слова его разозлили, потому что он вдруг резко разворачивается ко мне всем корпусом. Я дёргаюсь в испуге, оступаюсь и едва не падаю. Миксаев подхватывает меня за талию и усаживает на барный стул.

Я только ойкаю от неожиданности, рефлекторно ухватившись за его запястья. Тут же отдёргиваю ладони и сжимаю пальцы в кулаки. Странно прикоснуться к нему. Он настолько пугает меня, что ощутить на ощупь его кожу обычной человеческой температуры и мягкости как-то… обескураживающе, что ли.

Сейчас на нём нет тех кожаных браслетов, как на концерте и в машине. Поддёрнутые рукава открывают крепкие запястья в путах вздыбленных вен. Часы, какой-то тонкий браслет-цепочка. Надпись на английском, набитая на внутренней стороне.

Всё это как-то быстро и почему-то очень подробно отпечатывается в моём мозгу.

– У тебя нет аллергии на молоко? – он снова отворачивается к холодильнику.

Что? О чём он вообще? Сам только что изнасиловал мой рот пальцем, и не факт, что не планировал запихнуть и свой член, а теперь ему интересно, нет ли у меня аллергии на молоко?

– Принцесса, слышишь?

– Нет.

Пусть расценивает как хочет. Я вообще сейчас всё воспринимаю как-то фрагментарно, будто мозг вычленяет моменты действительности, дробит слитную полосу времени на кадры. Хлопок холодильника. Стук чашки о столешницу передо мной. Запах корицы.

В таких кружках – стеклянных, похожих на бокал – подают в кофейнях латте. Я смотрю на пену на какао, в которой грузнет порошок корицы. Я однозначно больше никогда в жизни не притронусь к какао.

Влад втыкает в напиток длинную толстую трубочку и садится на такой же высокий стул напротив. Чувствую на себе его взгляд, но глаза не поднимаю. Я чувствую себя букашкой на препараторском стёклышке микроскопа. Мне кажется, Миксаев отслеживает любую мою реакцию, любое изменение мимики.

– Пей, не бойся. Я ничего туда не подсыпал.

Поднимаю всё же глаза и внимательно смотрю в его. Так, как делает он – словно изучает, прикидывает варианты.

– Не веришь? – поднимает насмешливо бровь, наклоняется и отпивает глоток через трубочку из моей чашки.

То, что он отпил глоток ещё не значит, что там ничего нет. Но меня больше тревожит, что нужно прикоснуться губами к трубочке, к которой прикасался он.

– Влад, – продолжаю смотреть ему в глаза, но не могу сдержаться и всё же сглатываю. – Я не хочу какао. И не хочу здесь находиться. Я хочу домой. Отпусти меня.

Эмоции сдавленным криком клокочут в горле, но говорю я спокойно. Как говорят с ребёнком, который не хочет отдавать чужую игрушку.

– Чего ты боишься? – он откидывается на спинку и сцепляет руки на животе.

Понимаю, что он делает – зеркалит меня, мой тон, интонацию, заданные разговору. Издевается.

– Тебя.

– Почему?

Он серьёзно спрашивает?

– Потому что ты меня пугаешь.

Миксаев усмехается и смотрит куда-то в сторону. А потом резко возвращает взгляд, пригвождая словно бабочку к стене.

– Пей.

Его тон меняется. Обдаёт морозом. Голос вибрирует такими нотами, что я невольно захлёбываюсь воздухом. В микрофон он звучит совсем иначе – волнующе, будоражаще, разными оттенками, вызывающими желание слушать и слушать. Сейчас – режет и хлещет.

Я глубоко втягиваю воздух носом и прикасаюсь губами к трубочке, тяну этот дурацкий какао, который оказывается горячим и вкусным. Замечаю, как Влад подаётся немного вперёд, задерживается ещё более потяжелевшим взглядом на моих пальцах, сжавших трубочку, но потом снова смотрит в лицо.

– Пей и слушай, Лера. Это случится. В машине я сказал тебе правду, и ничего не изменилось, – я застываю от того, что эта игра в радушного хозяина так резко закончилась. – Ты моя. Бегай – не бегай, я возьму тебя когда захочу, где захочу и как захочу.

Столбенею от такой лобовой откровенной похабщины. Не то чтобы Миксаев и до этого пытался это завуалировать, но сейчас он выкладывает это так, словно ставит печать на лоб.

Если бы кто-то посмотрел на наш разговор как на немое кино, без звуков, без слов, то подумал бы, что парень и девушка просто пьют какао и мило общаются. Потому что всё это: это дурацкое какао, наш разговор, эти жуткие слова, что он швырнул мне в лицо – какой-то сюрреализм.

Мне бы сейчас и продолжить молчать, внутренне считая про себя секунды, пока ему наскучит и он выставит меня за дверь. Но внезапно я чувствую внутри обжигающую вспышку злости.

– Да кто ты нахрен такой? – тоже подаюсь к нему немного вперёд. – Больной совсем?

Планку сорвало, и я уже готова ко всему. Кто-то скажет – самоубийца. И будет прав. Я и сама уже жалею о порыве, когда вижу огненный отблеск в дьявольских глазах. Но внезапно Миксаев улыбается.

– Даже справка есть. Показать?

Качаю головой и, выбросив трубочку, залпом выпиваю долбанное какао. Точно последнее в моей жизни. Ставлю на стол со стуком кружку и спрыгиваю со стула.

– Мне пора, – иду за пальто к кровати. – Открой дверь.

За всей этой бравадой по пятам идёт страх. Мне кажется, что он вот-вот схватит меня за шею сзади, и я очень сильно пожалею за всё, что сейчас сказала.

– Вызову тебе такси, Принцесса. Подвезти не предлагаю – машина в ремонте.

Очень нужно.

Но это я говорю уже про себя, мысленно в надежде уже переступить этот чёртов порог.

Миксаев действительно вызывает мне такси. Подходит к двери и набирает код. Замок пикает, и Влад распахивает галантно её передо мной. Задерживаю дыхание и прохожу мимо. Уже готова выдохнуть, но всё внутри обрывается,

когда парень запускает мне руку в волосы, едва я делаю шаг за порог. Ощутимо сжимает и почти прижимается губами к моему виску.

– Даже не пытайся мне противостоять, девочка, – флёр беззаботной лёгкости из его тона снова испаряется. – Всё равно будет по-моему. И признайся уже себе, где-то очень глубоко ты понимаешь, что хочешь этого сама.

Мой выпад смелости гаснет в мгновение, потому что я понимаю, что Миксаева он не впечатлил, а лишь позабавил.

Влад отпускает мои волосы, приглаживает их и захлопывает дверь у меня за спиной.

Бежать отсюда. Уносить ноги, пока он не передумал.

Глава 11

Влад

– Ну привет, Дерек. Заждался, знаю. Я был немного занят.

Манекен не отвечает. Молча смотрит своей резиновой рожей в стену напротив. Ждёт причитающиеся ему пи*дюлины.

– Как она тебе? Слышал, как пахнет? Скажи честно, завидовал?

Провожу рукой по шестам на стене. Выбираю самый простой – ровный деревянный бо[1 - Бо-дзюцу – восточное искусство боя на шестах (посохах)бо – шест, посох (2 м палка), бывает в современном исполнении телескопической складной, но классика – деревянная.], гладкий и знатно уже затёртый по центру. Тренироваться с телескопичкой не люблю. Не то. Она для выездных встреч.

Снимаю бо со стены и оглаживаю. Привет, дружочек, давно не виделись. Неделю, поди, не до тебя было.

Посох привычно ложится в руку. Увесистый, ощутимый.

Вдыхаю глубоко и медленно выдыхаю. И так несколько раз. Выровнять сердцебиение. Приглушить шум крови в ушах. Вытолкнуть из ноздрей запах девчонки.

Хрен я буду передёргивать по тебе, дорогая, у меня есть и другие способы успокоиться.

Члену такая идея не очень нравится. Но ему вообще не понравилось, когда я вытолкал Принцессу за дверь. Ещё рано. Она не готова к полноценной игре. Потерянная, не включилась. И не мягкая, чтобы согнуть, и не упёртая, чтобы с треском сломать.

Для разминки прорабатываю защитные блоки. Терпеть это не могу, но иначе никак. Боевое оружие не терпит ошибок и требует старательности. Всегда. Даже когда жутко хочется сорваться.

Принципы, которые нельзя нарушать.

Рамки, за которые нельзя выходить.

Правила, которых необходимо придерживаться.

Хотя бы здесь. В остальном нах*й рамки и правила.

Шаг. Стойка. Теперь боковая. Круговой нижний блок. Передний тычок. Нижний наклонный блок.

Мышцы разогреваются. Ладони срастаются с шестом. Обожаю этот момент единения.

Дерек получает первый боковой удар, дёргается на стойке всё с тем же непроницаемым резиновым лицом. Прохожусь по нему всеми видами боковых ударов и тычков. Потом ещё раз и перехожу на захваты.

Мой безмолвный резиновый партнёр не чувствует боли. В отличие от мальчика, которому тринадцать лет назад достался учитель-садист.

– Вставай!

Широ Танака обычно был беспристрастен. Но это только в общей группе на занятиях. А когда он оставлял меня для дополнительных, его лицо расцветало разными оттенками чувств – от презрения до ненависти. А всё потому, что тогда, на первом занятии, я не заплакал. Было больно, обидно и трудно. Все плакали, а я не смог. И хотел, чёрт возьми, да не смог. Может быть, раньше я и умел так проявлять эмоции, но это осталось в прошлой жизни, отрезанной огромной фурой с пьяным водилой за рулём.

Вот с тех самых пор слёз больше и не было. Никогда. Нет, глаза, конечно, слезились, когда у меня был насморк или если ветер приносил песчинку, но это не касалось эмоций.

И Широ Танаке – учителю боевых искусств закрытой школы Владивостока для трудных детей – моя такая особенность совершенно не нравилась. Он считал, что осознание должно приходить через боль и слёзы. Именно в такой последовательности: сначала боль, потом слёзы. И так как второго у меня не было, то он с лихвой компенсировал первым.

Когда руки десятилетнего мальчика кровили от разодранных мозолей, и он не мог писать на уроках, другие учителя тоже были недовольны.

Не успел выполнить задания?

Два часа допов в тренировочном зале.

Контрольная по японскому на три?

Два часа допов в компании любимого Широ Танаки.

Вытягиваю руки, удерживая двухметровый шест. Сейчас я могу простоять так очень долго. А тогда не мог и пятнадцати секунд. Руки дрожали, слабые мышцы каменели, пот струился по спине и лицу. А дорогому учителю нужны были слёзы.

Но их не было. И он вознаграждал меня щедро за стойкость.

Но синяки сходили, гематомы рассасывались, и родители, живущие далеко на юге, получали фото улыбающегося мальчика. Радовались ли они? Да, скорее всего. Тому, что их странный приёмный ребёнок далеко и в надёжных руках. Руках Широ Танаки и подобных ему извращенцев.

Со свистом завожу бо за спину и кланяюсь своему молчаливому спарринг-партнёру. На сегодня хватит.

Укладываю шест в держатели на стене, стаскиваю мокрую футболку и заваливаюсь на постель. Обоняние снова улавливает этот свежий, чуть сладковатый аромат. Пальто девчонки лежало на кровати. И несмотря на тренировку и приятную усталость, меня снова простреливает ею.

Зверь внутри начинает брызгать ядовитой слюной и лязгать зубами. Рвёт цепи в желании обладать здесь и сейчас.

Даю ему пенделя, чтобы заткнулся. Слишком рано. Так не интересно. Хотя признаю, в этот раз охота совершенно необычная. Меня вштыривает только от одного воспоминания о её запахе и синих глазищах. И это я ещё сиськи не видел.

Видеть её страх – настоящий деликатес, представлять, как со временем в этом невинном взгляде вспыхнет похоть. Животная и влажная.

Однако я в сомнениях, хочу ли этой метаморфозы. Может, пусть так и остаётся – невинной и затюканной. Интересно продегустировать её эмоции, когда я окажусь в ней. Что это будет? Изумление? Ошеломление? Ужас?

После бесконечных приторных стонов текущих сучек, раздвигающих ноги прямо за колонками на сцене, Синеглазка как дорогой десертный алкоголь – сладкая и манящая. Лёгкая и пряная, но крепкая, дурманящая.

Посмотрим, сколько ты выстоишь.

Посмотрим, сколько я выстою.

Эх, блин, приходится ещё сто раз отжаться и столько же раз качнуть пресс, чтобы отпустило. Пить не хочу, это ослабляет цепи, удерживающие зверя. Карандаш в руке не лежит, строки не струятся, к гитаре тоже не тянет. Остаётся только одно – скорость. Она ещё ни разу не подводила.

«Прогулка» на мотоцикле и правда помогает. Кажется, не только одежда наполняется воздухом, а слух рёвом, а и каждая клетка напитывается. Вбирает в себя, освобождая напряжение.

Торможу возле дома Вики. Вылезает она полусонная только после третьего звонка.

– Влад? Привет, – хмурится. – Не ждала тебя сегодня.

– Одна?

– Угу. Сериал смотрю. Хочешь, посмотрим вместе?

Да, мечтаю.

Скидываю ботинки в прихожей, я же не говнюк какой – обутым по ковру.

– Влад, что с тобой происходит? – Вика прижимается всем телом и обнимает за шею, смотрит в глаза, будто мы с ней близки.

Но меня это, на удивление, не раздражает.

– Кот сказал, ты «на охоте», но приходишь уже второй раз. Ломает?

– Ты много думаешь и дохера говоришь, Вика, – убираю её руки со своей шеи и сдёргиваю с неё футболку.

Без лифчика. Ну и славно. И без трусов под пижамными шортами.

– Как ты хочешь? – мурлычет.

– Как обычно.

В глазах проскальзывает разочарование. Вика давно уламывает меня трахнуть её лицом к лицу, но мне с ней это не по кайфу. Это Кот любит любовью заниматься, ещё и раздевается полностью. Мне такое не надо, я не для этого к ней прихожу.

А вот мелкую Принцессу я в первый раз трахну именно лицом к лицу. Хочу видеть её глаза, когда она примет меня. Когда осознает, что это было неизбежно с самого того момента, когда она вылупилась на меня на концерте. Когда застыла в дёргающейся толпе.

Едва только успеваю кончить, текст сам складывается в голове.

– Вика, карандаш и листок дай, – сдёргиваю презерватив и выбрасываю в корзину возле компьютерного стола.

Дыхание ещё сбитое, но я усаживаюсь на диван с листком, вырванным из какого-то блокнота и шариковой ручкой, что дала Вика. Сама она натягивает футболку и отваливает куда-то на кухню.

Нацарапываю текст, в голове уже звучит мелодия к нему. Картинка и звук чёткие, люблю, когда так. Но когда перечитываю, понимаю, кто станет первым, увидевшим эти слова.

Набираю в мессенджере сообщение, прилепив дурацкий смайлик с кружкой то ли чая, то ли кофе. Но Принцесса поймёт. А потом набираю туда же текст будущей песни.

И отправляю. Прочитано. Абонент не в сети.

Глава 12

Я приду к тебе, когда не ждёшь,

Впрочем, это ведь тоже ложь:

Если так боишься, то почему дверь закрыта не на засов?

Я приду к тебе, я найду твой дом;

И ты, воздух дрожащим глотая ртом,

Задыхаясь от страха и тоски

Не сумеешь не пригласить

Лера

Я вскидываюсь ночью словно кто-то ткнул меня в бок. Сбрасываю одеяло и глубоко вдыхаю, схватившись за горло. Душно. Хлопаю по выключателю точечного света над кроватью, поднимаюсь и, пошатываясь, иду к окну. Глоток свежего воздуха мне сейчас жизненно необходим.

Распахнув окно, я по пояс переклоняюсь, подставив холодному осеннему ветру горящие щёки. Холод сразу пробирается под тонкую ночную сорочку и окатывает влажную кожу на спине. Неприятно, но мне нужно это сейчас.

Не помню, что именно мне снилось, но ощущения очень странные. Я будто тонула, но не хотела всплывать. Тёмная пучина затягивала, а я, зачарованная её неизведанными глубинами, просто проваливалась, следуя подхватившему меня потоку.

Захлопываю окно, ёжась. Блин, хоть бы не простыть – тоже ума хватило высунуться в конце октября вспотевшей из окна ночью.

Меня смущают некоторые ощущения, и я решаю сходить в туалет – проверить. Календарь-приложение говорит, что для месячных ещё совсем рано, но мало ли. Сегодняшний стресс мог спровоцировать.

Но… В туалете приходится шокировано выдохнуть. Не то чтобы мои трусики после сна никогда не намокали, но не так же! Я понимаю, что это бывает в определённые дни цикла или от возбуждения. Бывало, когда романами

любовными зачитывалась, но такой потоп впервые. Это же… странно и ненормально. И… мало ли что там вообще мне приснилось. Может, Йен Сомерхалдер или Лиам Хэмсворт. Точно, кто-то из них.

Злюсь. Привожу себя в порядок и снова отправляюсь в постель. Теперь мне холодно. Дрожь проходится по телу, и я зарываюсь в одеяло до самого носа. Ругаю себя за иррациональное желание оставить свет включенным.

Включаю телефон, чтобы проверить, не забыла ли я завести будильник на утро. Всё верно – шесть тридцать. А ещё нужно заблокировать его номер.

Я уже не задаюсь вопросом, откуда у Миксаева номер моего сотового. Но потом решаю, что смысла его блокировать нет. Если захочет, напишет со второго, третьего и так далее. И нет бы, чтобы молча удалить сообщение, что он прислал вечером, я снова его открываю.

«Спокойной ночи, моя маленькая невинная Принцесса. Ты уже надела свою розовую пижамку с единорогами? Или приготовила для меня тончайшие кружева? Я их обязательно оценю»

И стикер-кружка. Проклятое какао.

А потом ещё:

«Кстати, я умею быть нежным романтиком, представляешь? Хочешь, поиграем в эту милую игру? Я даже посвящу тебе свою новую песню»

Ещё с вечера я говорила себе не сметь читать дурацкие стихи. Но вот снова не сдержалась и пробежалась по строкам, сжимаясь от дрожи страха и напряжения ещё сильнее.

«Для других я – огонь, для тебя – сплошной лед и камень. Я тону в этой жажде легких тебя ласканий. Я мечтаю о них так голодно, непрерывно. Но касаться тебя – срывать цветок до поры. Для других ты – тепло, легкий весенний бриз. И поцелуи твои в игре моей главный приз, я мечтаю о них: так звери бегут в капканы. Но тебя умолять о них – соль себе сыпать в раны. Для других ты – всегда: даришь весь мир собою, пока я, словно волк, цепью тебя связавший, вою.

Но настанет пора: истрескавшейся пустыней пустота твоей жизни настигнет, и ты в ней сгинешь… И тогда моя жажда прольется на твою почву, когда наконец придешь, потому что хочешь»

Сжимаю телефон в ладонях и глубоко вдыхаю. А потом на выдохе пишу:

«Пошёл к чёрту»

Наверное, это невероятная глупость. Неоправданная бравада. Нужно было просто промолчать, проигнорировать. Я же уже поняла, что моим отпором его не отпугнуть. А за безрассудную резкость я поплачу?сь. Глупо полагать иначе.

Тут же хочу удалить, но не успеваю, потому что прилетает ответ:

«Только оттуда»

«Три часа ночи, Синеглазка. Не спится? Обо мне думаешь?»

По сути, да. Но не так, как он себе представляет.

Пальцы замирают над клавиатурой. Нельзя ничего отвечать. Нельзя его провоцировать. И он пугает меня даже находясь далеко.

И вот снова со мной случается вспышка сумасшествия. То ли день такой сегодня, может парад планет какой-то, или затмение, или ещё что-то повлияло на мою психику, и я во второй раз, а точнее уже в третий, если брать моё глупейшее решение прийти к нему, решаюсь на конфронтацию. Просто фотографирую ему свой кулак с торчащим средним пальцем и отсылаю.

Даже дышать перестаю, когда галочки становятся голубыми, свидетельствуя, что адресат прочитал. Зажмуриваюсь, ожидая, что телефон завибрирует ответом.

Но он молчит. А потом Миксаев пропадает из сети.

Запихиваю телефон под подушку, ещё плотнее заматываясь в одеяло. Зачем я делаю такие глупости? Зачем играю с огнём, провоцируя этого зверя? Ведь по-

другому его не назовёшь. Он не притворяется расчётливым библейским злом, он им является. Я чувствую, как в нём клубится тьма. Она пугает меня, загоняет в угол. И ведь я толком не пойму, к чему он ведёт. Чего от меня хочет.

Есть что-то ещё кроме озвученных мерзких вещей, которые он мне сказал в машине и сегодня.

Не знаю как с такими взрывающими мозг мыслями, но я крепко уснула. И будильнику удалось поднять меня только с третьего раза.

В ответ больше никаких сообщений не приходило.

Я принимаю душ, одеваюсь, подкрашиваю ресницы, слегка приглаживаю брови – привычный утренний ритуал. Но сердце не на месте. Мне тревожно.

Спускаюсь к завтраку, когда родители уже за столом. Мама ещё в светлом шёлковом халате, но уже причёсана и с макияжем, отец в костюме. Завтрак мама нередко готовит сама, позволяя домработнице приходить к десяти. Говорит, что ей нравится заботиться о своей семье.

Зависаю в коридоре перед кухней, чтобы подправить немного поехавшую тушь – что-то в глаз попало, и выступила слеза.

– Инна, в этой истории всё запутано. Ты же знаешь, какая Светлана… – отец мнётся, подбирая слова. – Выдумщица.

– Так и я тебе о чём. И вообще, знаешь, как говорят: если сучка не захочет, кобель не вскочит, прости за грубость. А Светлана давно вела себя неподобающе с Виктором, это же надо додуматься…

До чего там додумалась какая-то Светлана, которую обсуждают мои родители, я уже не слышу, потому что захожу в кухню, и они замолкают.

– Я не думаю, что ты права, мама.

– Доброе утро, дочь, – отец откусывает бутерброд и запивает его кофе.

Мама же удивлённо смотрит на меня.

– В смысле, Лерок?

– Об этой женщине. Я не знаю, что там она сделала, но вот эти вот грубые слова – думаю, это не так. Нельзя обвинять одного человека в плохих поступках другого. Мы каждый отвечаем сам за себя.

Мама сначала вспыхивает от моего короткого спича, но потом смягчается.

– Валерия, влезать в чужой разговор не очень красиво.

– Извини, просто…

– Просто твой жизненный опыт ещё слишком мал, чтобы понимать такие вещи. Я, может, и выразилась грубо, однако так и есть. У любого действия всегда есть последствия. И всё, что с нами происходит, люди, которые встречаются на нашем пути – это результат наших решений и наша ответственность. Только так.

Мама встаёт и подходит ближе, заправляет мне за ухо прядку волос.

– Смотри, – говорит, внимательно её разглядывая. – Сечься начали, пора к парикмахеру. Чем будешь завтракать? Я приготовила тебе очень полезные бутерброды с куриным филе и свежим помидором и какао.

Ответ становится поперёк горла, а аппетит пропадает окончательно.

«Сучка не захочет – кобель не вскочит»

«… когда наконец придёшь, потому что хочешь…»

«Признайся себе, Принцесса…»

Нет! Нет моей вины в том, что этот псих возник на моём пути! Я не давала ему ни поводов, ни знаков. Но у родителей, кажется, на подобные вещи своё мнение.

– Я не голодна, – бросаю и тороплюсь выйти быстрее из кухни, потому что начинает нещадно тошнить.

– Валерия! – слышу возмущённый окрик от мамы. – Ты же знаешь, что завтрак пропускать нельзя! Так можно и РПП заработать!

Да плевать мне на расстройства пищевого поведения. У меня есть проблема поважнее. И имя ей – Влад Миксаев, который решил, что будет забавно со мной поиграться. И я даже не могу пожаловаться самым близким людям, потому что они разочаруются во мне, потому что «всё, что с нами происходит – результат наших решений и наша ответственность».

Глава 13

Целую неделю я живу в напряжении, пугаясь каждой выезжающей из-за угла машины. Дергаюсь, когда в аудитории вдруг посреди пары открывается дверь. Пальцы становятся холодными, когда телефон отзывается сообщениями.

Но ничего не происходит. Ожидание пытки хуже самой пытки, не зря так говорят. Но постепенно я всё же немного расслабляюсь. Мама тащит меня то в салон красоты, то убеждает записаться на йогу, потому что, по её мнению, учёба на износ делает меня нервной и бледной. И питание следовало бы под зиму насытить белком. Радует отец, предложивший купить мне собственную машину. Так хотя бы оглядываться не буду, пока на остановку бегу или такси жду.

Условились в следующие выходные поехать в салон. И так я всё же немного начинаю расслабляться. Ищу информацию в Интернете по маркам, прикидываю цвет, советуюсь с папой. К тому же Марк приезжает. Мамин брат сейчас пытается расширить бизнес, и привлекает понемногу сына. У них с моим отцом какие-то перекрёстные дела обозначились, вот брат и приехал. И так просто я его отпустить не могу. Пару часов мы точно болтаем, лопая пирог с яблоками, который испекла наша домработница. В какой-то момент у меня даже появляются мысли рассказать Марку о своей проблеме, но я снова понимаю, как и тогда в квартире Миксаева, что мой двоюродный брат Владу не противник. Как бы я ни относилась к своему преследователю, я вынуждена признать, что он очень умный, хитрый и абсолютно беспринципный. Марку с таким тягаться будет

не по силам. Я только создам ему проблем своими жалобами, втяну в то, от чего он может пострадать. Придётся со всем разбираться самой.

Спустя две недели напряжение немного отпускает. Я уже не так пугаюсь сигнала сообщений, не так часто хочется растереть ладонями ноющие от напряжения и постоянной скованности плечи. Надеюсь, Миксаев отступил. Не потому что испугался или впечатлился моим факом, а просто потому что ему стало скучно. Неинтересно играться с такой, как я. Ну что ему за польза? Что с меня взять-то?

Я настолько уже расслабляюсь, что позволяю себе сходить в кафетерий с одногруппницами. Мы сдаём контрольную по педагогическим технологиям и думаем отметить это. Кто берёт себе кофе, кто чай. Я решаю остановиться на молочном коктейле. А чуть позже к нам подсаживаются четверо парней с географического факультета, тоже первокурсники, прошедшие сегодня через ту же контрольную под неусыпным надзором преподавательницы. Они весёлые и милые. Никаких чёрных взглядов и психологических атак. Просто улыбки, просто разговоры.

Один из них, что представился Колей, после перекура, меняется местами с другим, усаживаясь возле меня. Я замечаю его ненавязчивое внимание. Сначала появляется ещё один молочный коктейль с наполнителем из чёрной смородины. Парень смеётся, что у меня губы от него посредине посинели. Я облизываюсь и тоже ему улыбаюсь.

Коля провожает меня домой. Идёт немного на расстоянии, не вторгается в моё личное пространство. Он хороший, сразу видно. Не наглый, не позволяет себе пошлостей ни в шутках, ни просто в разговорах. И у нас много тем находится: он тоже занимался в детстве музыкой, только играл на фортепиано. Он любит читать, у него есть большой пёс породы колли, а ещё он занимается плаваньем. И мне с ним хорошо. Спокойно, весело и внутри ничего не дрожит и не сжимается от страха. Коля добрый. Он не манипулирует и не угрожает.

Домой я прихожу в чудесном настроении, ем салат из капусты, который приготовила мама с наставлениями съесть. А потом втихаря стаскиваю большой оладушек и разогреваю его себе с шоколадной пастой.

На следующий день Коля ждёт меня после пар на ступенях университета. Он улыбается и протягивает пирожное-рожок из Макдоналдса.

– Привет, – улыбается парень. – Отучилась?

– Угу, – улыбаюсь в ответ. – Когда ты успел купить пирожное?

– Нас раньше отпустили с пары, вот и сходил, пока ждал тебя.

– Спасибо!

Я слизываю кончик нежного безе, и мы спускаемся с высоких парадных ступеней. Погода сегодня отличная. После почти двух недель дождей уже второй день светит солнышко. Начался уже третий месяц осени, так что дни стали намного короче, но даже сейчас, почти в четыре часа дня, оно хоть и не высоко, но светит ярко. Ветра почти нет, а в воздухе витают те неповторимые ароматы южной осени.

– Ничего себе, – выражение лица Коли становится настолько удивлённым, что я даже пугаюсь. – Это же фронтмен «Wet rain», да? Это точно он!

Воздух будто выбивают из лёгких, когда я резко разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Миксаев действительно стоит возле ограждения метрах в десяти от нас. Снова та самая поза, как под окнами музыкальной школы: ноги широко расставлены, руки в карманах чёрных джинсов, кожаная куртка нараспашку. А сзади чёрная громадина мотоцикла отблёскивает солнечными бликами на хромированных вилках передних амортизаторов.

Чья-то мечта и мой худший кошмар.

– Ни фига себе! – прорывает снова Колю, о котором я уже несколько секунд как забыла в страхе. – И что такая звезда забыл у нашего универа?

Влад смотрит прямо на нас, и я уже чувствую, как у меня начинают отниматься ноги под знакомой тяжестью. Я за этими жуткими ощущениями не скучала. Первый порыв – бросить дурацкое пирожное и уносить ноги. Но я просто прирастаю к месту, наблюдая, как Миксаев неспешно идёт к нам.

Замечаю, как восхищённо вытягивается лицо Коли, как смотрят на Влада вышедшие после пар с десяток студентов.

– Привет, – говорит он нам обоим, когда подходит. Почти дружелюбно, но без улыбки.

– Привет, – отмирает Коля и протягивает Миксаеву руку. – Николай.

– Влад, – отвечает на рукопожатие.

– Да, я знаю. Слушаю твою музыку каждый день. Она просто потрясная.

– Спасибо, – сдержанно отвечает Миксаев, а у меня от этой сдержанности на всём теле от страха волоски становятся дыбом. Мозг кричит, что сейчас рванёт, а тело словно парализует. – Гуляете?

– Ага, – Коля заметно нервничает, но продолжает восторженно пялиться на своего кумира. – Решил провести девушку домой.

Миксаев непревзойдённо владеет собой, оно и не удивительно, он ведь артист. Но я всё же замечаю едва дёрнувшиеся желваки на скулах. Может, потому, что слишком пристально смотрю ему в лицо.

– Решил провести, – кажется, что воздух вокруг холодеет и моментально замерзает от того, как понижается градус голоса Влада. – Мою девушку.

Я давлюсь воздухом, а Коля становится бледнее выбеленных бордюров по периметру университетского двора. Он бросает на меня быстрый ошалелый взгляд.

– Я не знал, – его голос глохнет.

– Теперь знаешь, – режет сталью голос Миксаева.

На этом вроде бы всё заканчивается. В это трудно поверить, но похоже на то. Может быть, на публике ему нужно держать «лицо», придерживаться определённого образа. Но что-то меня на этот счёт терзают смутные сомнения.

– Поехали, – кивает мне на мотоцикл, полоснув быстрым острым взглядом.

Я сглатываю и мотаю головой.

Он не забыл обо мне. Не оставил идею позабавиться. Просто выждал, пока я расслаблюсь.

«Я возьму тебя когда захочу, где захочу и как захочу…»

– Я жду, – Миксаев бросает, разворачивается и уходит к мотоциклу, не оборачиваясь.

Я остаюсь стоять недвижимо.

– Лер, – тихо зовёт Коля, – что происходит?

– Ничего. Пойдём.

Разворачиваюсь и, подтолкнув Колю под локоть, решительно иду к выходу со двора. Но успеваю сделать всего пару шагов, как едва ли не приседаю от оглушающего рёва за спиной. Резко оборачиваюсь, и тут же мы с Колей оба попадаем в какой-то наполненный ужасом и страхом дьявольский водоворот. Влад газует на мотоцикле в нашу сторону. Я замираю, уже мысленно попрощавшись с жизнью, когда мотоцикл проносится мимо. Но не уезжает, а, дико взревев, скользит задом опасно низко над землёй и делает вокруг нас смертоносный оборот. Потом ещё один. И ещё.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Бо-дзюцу – восточное искусство боя на шестах (посохах)

бо – шест, посох (2 м палка), бывает в современном исполнении телескопической складной, но классика – деревянная.

Купить: https://tellnovel.com/malinovskaya_masha/ty-ne-sbezhish

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити